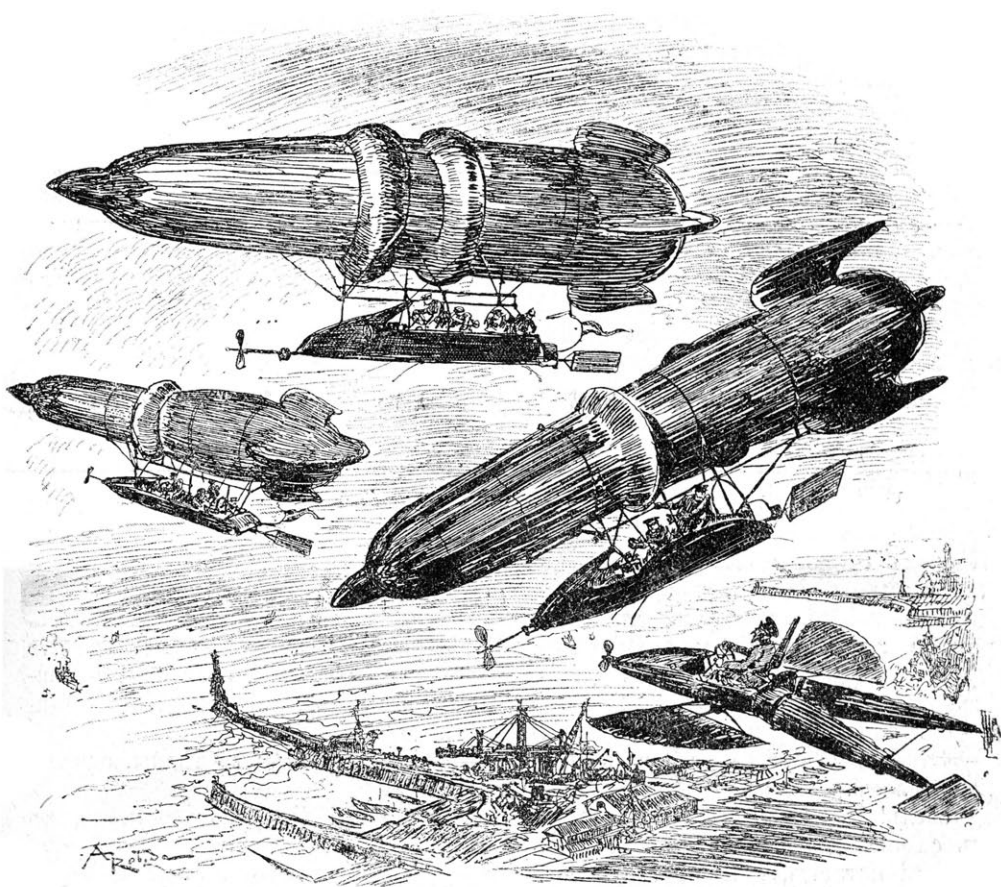

АДСКАЯ ВОЙНА.

Романъ П. Жиффара. Съ рисунками А. Робида.

І. Неожиданный конецъ Гагской конференціи.

Конференція мира.—Непріятное пробужденіе.—Гага въ огнѣ.—Теорія мира и практика войны.—Отлетъ въ Парижъ.—Катастрофа въ морѣ.—Разстрѣлъ сверху и снизу.—Гибель Ванга.

ОЧАРОВАТЕЛЬНОЕ мѣсто Отель Всемирнаго Соглашенія въ Гагѣ. Я три мѣсяца занималъ въ немъ роскошно меблированную комнату, какъ участникъ періодической конференціи мира. Большая парижская газета „2000 годъ“, командировавшая меня на конгрессъ, не жалѣла издержекъ.

Заключительный день прошелъ очень оживленно. Сто двадцать дипломатовъ, собравшихся на конференцію, пригласи-

ли къ участию въ банкетѣ представителей печати, этой необходимой помощницы ихъ трудовъ. Прекраснѣйшія рѣчи говорились inter rosas. Оживленію способствовали ордена, полученные въ послѣдній день всѣми участниками конгресса. Разумѣется, не было недостатка въ божественныхъ дарахъ Бордо, Шампани, Бургони, Рейна. А какіе ликеры подавались послѣ кофе! Какія сигары!

были приняты олагороднѣвшія резолюціи; лучезарнѣйшія перспективы открывались передъ восхищенными зорами; только и рѣчи было, что о братствѣ народовъ, отнынѣ непоколебимомъ, благодаря простому механизму конгресса. Это было прекрасно, прекрасно, прекрасно!

По приглашенію г. Вандеркуйпа, владѣльца Отеля Соглашенія, я остался на сутки послѣ окончанія конференціи, съ дѣлюю присутствовать при бракосочетаніи его дочери, очаровательной восемнадцатилѣтней блондинки, мадамъ узель Ады или миссъ Ады, — какъ величали ее, вѣроятно потому, что ея женихъ, поручикъ Томъ Дэвисъ, былъ офицеръ англійской арміи.

Я спалъ спокойно въ эту ночь, но около четырехъ часовъ утра меня разбудилъ какой-то гулъ, наполнившій огромное зданіе отеля. Въ ту же минуту моя дверь затряслась отъ сильныхъ ударовъ кулакомъ.

— Кто тамъ? — крикнулъ я въ испугъ.

— Это Вангъ, муссо — отвѣчалъ дрожащій голосъ. — Скорѣй отворять. Кончали спать! Большой бѣда!

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ Вангъ, мой слуга китаецъ, смѣшной, не вѣрный малый, котораго я добылъ когда-то въ Маньчжуріи.

Мысль о пожарѣ мелькнула въ моей головѣ. Поспѣшно отворивъ дверь, я спросилъ:

— Гдѣ горитъ?

— Вездѣ — отвѣтилъ китаецъ, широко раскрытые глаза котораго выражали безумный ужасъ. Я бросился къ окну, отдернулъ занавѣску, и съ ужасомъ отшатнулся. Городъ пылалъ. Дворцы, отели, музеи, рынки, даже суда на каналѣ превратились въ ряды костровъ.

— Какъ же могъ городъ загорѣться одновременно въ разныхъ мѣстахъ? — воскликнулъ я. — Значитъ, это поджогъ?

— Это, муссо, конференція надѣлала.

— Какъ? что? что ты мелешь? причемъ тутъ конференція?

— Да, муссо, конференція — настаивалъ Вангъ, помогая мнѣ одѣваться. — Отъ нея вышелъ война.

— Война? какая война? ты съ ума сошелъ, бѣдняга?

Но въ эту минуту задребезжалъ звонокъ телефона. Я отвѣтилъ, и стенторскій голосъ — въ которомъ я узналъ голосъ одного изъ моихъ четырехъ помощниковъ-репортеровъ — раздался съ потолка, гдѣ помѣщалась вибрирующая пластинка мегафона, замѣнившая прежнее приспособленіе:

— Это вы, патронъ?

— Да, — отвѣтилъ я — узнаю вашъ голосъ, Пижонъ. А гдѣ же Малаваль, Жувень, Коке?

— Собираютъ справки. Я забѣжалъ поговорить съ вами по телефону.

— Хорошо сдѣлали. Я совершенно какъ въ лѣсу! Что такое происходитъ?... Кстати, посмотрите, дѣйствуетъ ли телефотографъ?

— Дѣйствуетъ, въ исправности... Вотъ — видите вы меня, патронъ? На телефотографической пластинкѣ появилась нѣсколько женственное лицо Пижона.

— Вижу... Какъ вы блѣдны, однако, голубчикъ!

— Еще бы! Вокругъ меня все въ огнѣ.

— Да гдѣ вы находитесь?

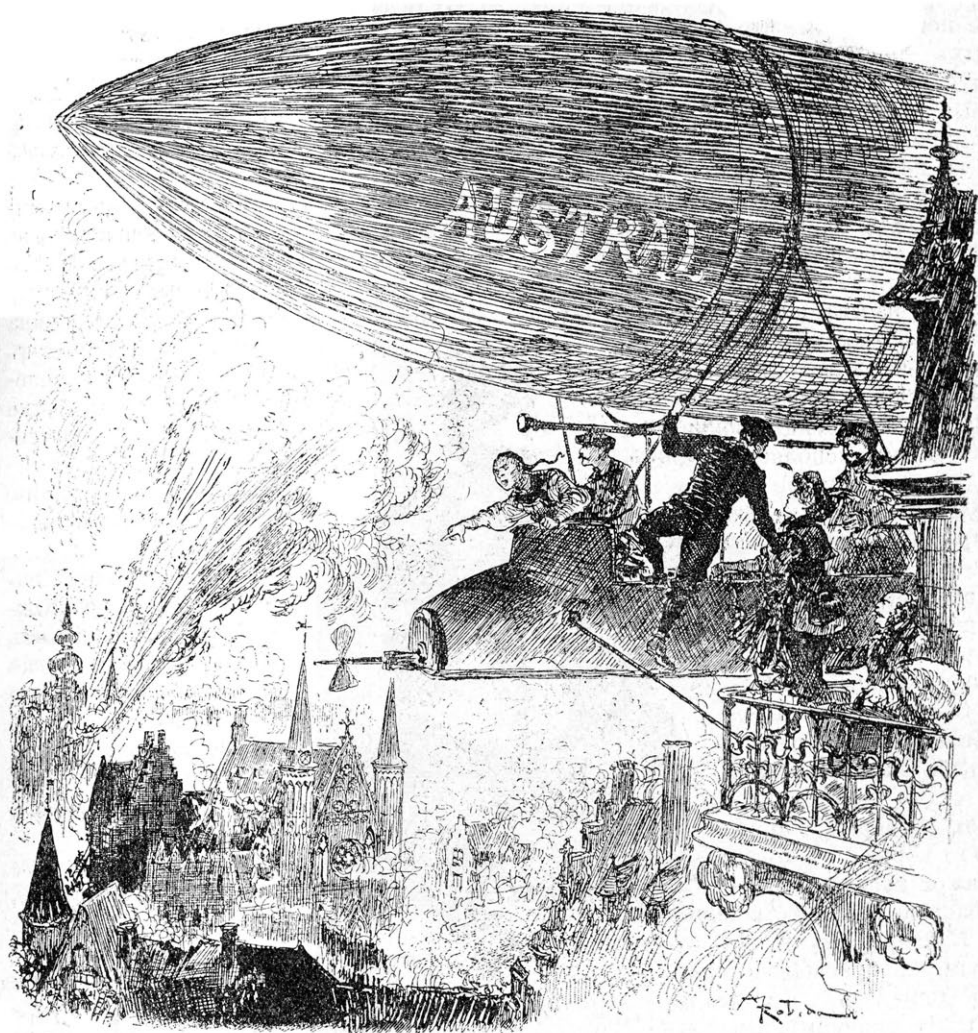
— Въ бюро секретаріата, во Дворцѣ Мира.

— Объясните же мнѣ, въ чемъ дѣло? кто поджогъ городъ? Вангъ твердить о какой то войнѣ.

— Война и есть... Да, вѣдь вы ушли раньше, и не видѣли сцену за шербе-томъ. Впрочемъ, самъ дьяволъ не разберетъ, какъ она собственно произошла. Во всякомъ случаѣ, что-то вздорное, ребяческое, изъ-за вопроса о томъ, кому первому подносить шербетъ. Германскій посланникъ, князь Лихтенталь-Шварценбергъ, обидѣлся и сказалъ какую-то рѣзкость, на которую англійскій посолъ сэръ Гарви Ньюгоуэзъ отвѣтилъ въ томъ же тонѣ.

— Ну?

— Ну дальше-больше. Кто-то, желая уладить столкновеніе, подлил масла въ огонь, и кончилось тѣмъ, что сэръ Гарри Ньюгоуэзъ потребовалъ формаль-

Мой аэрокаръ ожидается у балкона...

наго извиненія. Нѣмецъ отказался, оба посла телефонировали своимъ правительствамъ.

— Чортъ знаетъ что такое! Точно во времена Людовика XIV. Дальше?

— Ну, столкновение за шербетомъ произошло въ 2 ч. 10 минутъ по полуночи; въ 2 ч. 25 м. мы узнали, что король Англии далъ германскому императору полчаса срока для представленія извиненій; а около трехъ часовъ эскадра прусскихъ аэрокаровъ, державшаяся наготовѣ гдѣ-то въ Вестфалии, пролетѣла надъ Гагой, напра-

вляясь въ Англію. Мимолетомъ она пустила въ столицу...

— Столицу нейтральнаго государства?

— Ну да, кто же съ этимъ считается?... пустила дюжину зажигательныхъ снарядовъ,—должно быть, въ знакъ своего уваженія къ Конференціи Мира. Городъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ.

— Но какъ же такъ? Война безъ предварительныхъ переговоровъ, безъ деклараціи?...

— Какъ вамъ извѣстно, патронъ, на каждой Конференціи Мира торжественно

но повторяется, что началу враждебных дѣйствій долженъ предшествовать ультиматумъ или декларация. Это языкъ банкетовъ и дипломатическихъ бумагъ; на дѣлѣ, разумѣется, заговорятъ иначе. Подумайте, вѣдь мобилизациа воздушныхъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ въ каждой странѣ разсчитана теперь на минуты, на минуты...

Онъ хотѣлъ продолжать, но въ эту минуту раздался какой-то сухой шумъ, его изображение исчезло съ пластинки, и голосъ умолкъ.

Я рѣшилъ вернуться въ Парижъ. Конференция кончилась, моя задача исполнена, городъ въ огнѣ, война не замедлитъ охватить всю Европу. Дѣлать здѣсь больше нечего. Торопивший меня Вангъ сообщилъ мнѣ, что мой аэрокаръ „Южный“ оборудованный для меня газетой, дожидается у балкона четвертаго этажа. Разумѣется, я не сталъ тратить времени на долгие сборы. Но въ корридорѣ отеля меня остановили взволнованные и разстроенные г. Вандеркуйпъ и его супруга, съ просьбой отвезти ихъ дочь Аду въ Парижъ къ ея родственникамъ, владѣльцамъ большого Нидерландскаго отеля въ улицѣ Бакъ. Они считали небезопаснымъ для нея оставаться въ пылавшемъ городѣ, которому грозилъ захватъ со стороны той или другой изъ воюющихъ сторонъ, не склонныхъ церемониться съ нейтральной страной. На мой вопросъ о ея женихѣ, я узналъ, что поручикъ Дэвисъ былъ въ эту же ночь отозванъ въ Англію, куда и отправился вмѣстѣ съ уполномоченными на подводномъ крейсерахъ.

Разумѣется, я поспѣшилъ заявить, что мой аэрокаръ къ услугамъ миссъ Ады, и, какъ могъ, успокоилъ взволнованныхъ родителей.

— Если ничто не помѣшаетъ нашему путешествію — сказалъ я — то въ полдень миссъ Ада телефонируетъ вамъ изъ Парижа, что она завтракаетъ у своихъ родныхъ въ Нидерландскомъ отелѣ.

Въ послѣднюю минуту, когда мы усаживались въ аэрокаръ, явились двое моихъ помощниковъ, Пижонъ и Малаваль, которыхъ я рѣшилъ захватить съ собою, попросивъ г. Вандеркуйпа передать двумъ оставшимся въ Гагѣ, что они должны телефонировать три раза въ сутки въ „200 годъ“ о дальнѣйшихъ событіяхъ и ждать распоряженій отъ редакціи.

Наконецъ, все было готово къ отъѣзду, я далъ знакъ своему пилоту, Морелю, и „Южный“, отцѣпившись отъ балкона, легко и плавно поднялся въ голубую высь, которую восходящее солнце озарило мягкими лучами, сгоняя кровавое зарево пожара.

Поднявшись на высоту двухсотъ метровъ, „Южный“ описалъ полукругъ надъ городомъ и направился на юго-востокъ. Мы быстро скользили въ чистой атмосферѣ, убаюкиваемые

жужжаньемъ электрическаго мотора, и вскорѣ дымъ пожара исчезъ изъ воды, а желтоватая полоса Сѣвернаго Моря замѣтно сузилась. Мы сидѣли на кормѣ: миссъ Ада, относившаяся къ своему положенію съ большимъ спокойствіемъ и мужествомъ, въ кожаномъ креслѣ, остальные на табуреткахъ вокругъ нея.

— Ну, Пижонъ, Малаваль, собиратели новостей! Разсказывайте, что вамъ удалось узнать?

— Пока лишь то, что вамъ уже извѣстно, — отвѣтилъ Пижонъ. — Война между Англіей и Германіей. Но, разумѣется, къ концу этого дня всѣ вели

Миссъ Ада Вандеркуйпъ.

кія державы присоединятся къ той или другой сторонѣ. Въ этомъ не сомнѣвается никто изъ дипломатовъ, съ которыми я говорилъ. Съ одной стороны группа Великобританія, Франція, Италия, Россія...

— О, Россія!...

— Ну, какъ бы то ни было, несмотря на свои внутреннія смуты и разладъ государственнаго механизма, Сѣверный Медвѣдь еще имѣетъ значеніе въ Европѣ... Съ другой стороны Германія и Соединенные Штаты: имъ вѣдь давно уже не даетъ свободно дышать англо-японская конкуренція. Это всеобщій пожаръ, вся планета въ огнѣ...

Наступило молчаніе. Всѣ сидѣли въ глубокой задумчивости. Да, онъ былъ правъ! Полстолѣтія Европа удерживалась отъ бойни, такъ какъ никто не рисковалъ задѣть со-сѣда въ виду чудовищныхъ вооруженій, грозившихъ еще невиданными и неслыханными опустошеніями. Но эта напряженная атмосфера должна была рано или поздно разрядиться, и стоило начать одному, чтобы увлечь за собою остальныхъ.

Вдали показался шпиль Антверпскаго собора и вскорѣ аэрокаръ остановился у балкона бельгійской таможи.

Пока продѣлывались формальности осмотра, я спросилъ у чиновника, нѣтъ ли чего новаго относительно войны.

— Да—отвѣтилъ онъ—сейчасъ получено извѣстіе, что подводный крейсеръ, на которомъ англійскій посланникъ возвращался изъ Гаги, взорванъ

двумя подводными нѣмецкими миноносками...

Раздирающій крикъ послѣдовалъ за этими словами. Мадмуазель Ада, откинувшись на спинку кресла, ломала руки

въ отчаяніи, восклицая: — Томми, мой Томми!—Затѣмъ она лишилась чувствъ.

Когда сознаніе вернулось къ ней, аэрокаръ уже продолжалъ свой полетъ. Мы уговаривали ее не предаваться отчаянію, такъ какъ чиновникъ не могъ сообщить, кто именно погибъ при этой катастрофѣ.

— Сейчасъ мы будемъ пролетать надъ Антверпеномъ—замѣтилъ Малаваль.— На террасѣ редакціи „Столичной Газеты“ выставляются денешни, напечатанные большими буквами, для аэрокаровъ, какъ во всѣхъ крупныхъ центрахъ. Возможно, что мы узнаемъ

изъ нихъ подробности событія.

Я отдалъ соответствующее распоряженіе пилоту, и спустя нѣсколько минутъ мы осторожно и медленно плыли надъ городомъ, высматривая въ бинокли террасу.

— Ну вотъ, миссъ Ада,—воскликнулъ Пижонъ—читайте!

Въ бинокли не трудно было разоб-рѣть денешу, напечатанную гигантскими буквами:

„Катастрофа съ англійскимъ крейсеромъ подтверждается. Только трое пассажировъ, въ томъ числѣ поручикъ Томъ Дэвисъ, успѣли спастись. Подбравшій ихъ въ морѣ французскій шлюпъ высадилъ ихъ въ Остенде. От-

На террасѣ выставляются телеграммы.

сюда двое отправились въ Лондонъ, а поручикъ Дэвисъ получилъ приказъ немедленно отправляться въ Парижъ съ поѣздомъ-молнія.

Радость молодой дѣвушки была неописуема. Не заботясь о другихъ новостяхъ, мы снова поднялись на высоту двухсотъ метровъ и ускорили полетъ, такъ какъ я торопился въ Парижъ.

Насъ, однако, ждало разочарованіе. Внезапно аэрокаръ замедилъ ходъ, дрогнувъ, и опустился на нѣсколько метровъ. Пилотъ Морель, повидимому, совершенно спокойно, крикнувъ своему помощнику:

— Пустите въ ходъ керосиновый моторъ.

Я былъ порядкомъ встревоженъ. Дѣло въ томъ, что двигатель „Южнаго“ устроенъ былъ по типу, лишь недавно вошедшему въ употребленіе основанному на примѣненіи волнъ Герца, разьше служившихъ только для беспроволочной телеграфіи. Собственно, это былъ не двигатель, а только трансформаторъ энергіи, посылавшейся въ видѣ волнъ Герца съ огромной центральной станціи въ Лаонъ. Такимъ образомъ, мы дѣлали шестьдесятъ километровъ и больше въ часъ, не нуждаясь въ сложныхъ машинахъ, въ вознѣ съ непріятными реактивами и проч. На всякій случай у насъ имѣлся запасной керосиновый двигатель.

Распоряженіе Мореля показывало, что доставка волнъ Герца прекратилась. Я спросилъ его, какъ онъ объясняетъ это обстоятельство.

— Я думаю, — отвѣтилъ онъ — что изъ Парижа данъ приказъ остановить дѣйствіе Лаонской станціи. Видно, и у насъ война... Сейчасъ узнаемъ на таможнѣ въ Феньи, и если мое мнѣніе

подтвердится, то вамъ лучше пересѣсть на поѣздъ. Съ керосиновымъ двигателемъ мы не сдѣлаемъ болѣе сорока километровъ въ часъ и доберемся въ Парижъ только къ вечеру.

Предположеніе Мореля подтвердилось въ Феньи. Мнѣ передали здѣсь фонограмму отъ моего редактора, доставленную по трубѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и адресованную на аэрокаръ „Южный“, въ случаѣ его пролета черезъ Феньи. Я вложилъ пластинку въ личичекъ, съ которымъ никогда не разлучался, и, поднеся его къ уху и тронувъ механизмъ, услышалъ голосъ г. Мартена Дюбуа, моего редактора.

— Война охватила всю Европу — говорилъ онъ. — Наша Республика присоединилась къ Англіи. Мобилизація въ полномъ ходу. Не возвращайтесь въ Парижъ, отправляйтесь немедленно на Монъ-Бланъ, осмотрите арсеналъ, слѣдите за снаряженіемъ и отправкой новаго воздушнаго флота и сообщите въ газету точ-

нѣйшія свѣдѣнія обо всемъ. — Спорить не приходилось. Я объяснилъ миссъ Адѣ въ чемъ дѣло, и предложилъ ей отправиться въ Парижъ съ поѣздомъ, отходившемъ изъ Феньи въ полдень. Я поручилъ Малавалю проводить ее, оставивъ при себѣ Пижона. Послѣдоваль дружескій обмѣнъ рукопожатій, — и спустя нѣсколько минутъ „Южный“ летѣлъ по новому направленію. На этотъ разъ Морель благополучно поднялся на высоту восьмисотъ метровъ.

Я думалъ о таинственномъ арсеналѣ Монъ-Блана, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ оборудовался, по плану аэрадмирала Рапо, колоссальный воздушный флотъ, снабженный всѣми средствами истре-

Мнѣ передали фонограмму...

бленія, частью новыми, извѣстными только руководителямъ дѣла. До сихъ поръ доступъ туда постороннимъ лицамъ былъ строжайше воспрещенъ, никакихъ свѣдѣній въ печать не сообщалось, за разглашеніе какихъ бы то ни было данныхъ грозило двухлѣтнее тюремное заключеніе. Удастся ли туда проникнуть? Впрочемъ, давая распоряженіе, редакторъ, конечно, имѣлъ въ виду существующее положеніе дѣла. Возможно, что въ виду начавшейся войны, военное министерство не прочь ознакомить публику съ состояніемъ средствъ обороны и разсѣять сомнѣнія въ нашей подготовленности...

Внезапно мои размышленія былъ прерваны слабымъ, но характернымъ пипѣньемъ, раздавшимся гдѣ-то внизу, подѣ нами, за которымъ послѣдовали короткіе, точно шелканье хлыста, взрывы.

— Чортъ бы ихъ побралъ! — выбранился Морель — стрѣляютъ по своимъ!

Дѣйствительно, стрѣлки Мезьера, принявъ насъ за непріятеля, дали залпъ, — къ счастью, не причинившій намъ вреда. Я поспѣшилъ выкинуть трехцвѣтный флагъ, и въ ту же минуту мы погрузились въ огромное облако. Казалось, всякая опасность миновала, но вотъ въ окружающемъ туманѣ снова послышалось характерное пипѣнье и шелканье, и мой бѣдный Вангъ, стоявшій на краю гондолы, придерживаясь за веревки, дико вскрикнулъ, взмахнулъ руками, и облившись кровью, съ раздробленной головой, исчезъ за бортомъ.

Въ первую минуту я былъ ошеломленъ и не сразу опомнился. Въ суматохѣ, послѣдовавшей за катастрофой, только Морель сохранилъ хладнокровіе, быстро возстановивъ равновѣсіе, нарушенное паденіемъ китайца, и про-

Стрѣлки Мезьера дали залпъ...

должая вести аэрокаръ по компасу среди непроницаемаго тумана облаковъ. Я подошелъ къ нему.

— Придется спуститься, — сказалъ онъ. — Аэрокаръ пробить насквозь.

— Пробить? Какъ такъ? Кѣмъ? Чѣмъ? Какимъ образомъ?

Я засыпалъ его вопросами. Пижонъ, слѣдя за его взглядомъ, замѣтилъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ китаецъ, крошечное отверстіе въ оболочкѣ.

— Мы успѣемъ долетѣть до Дижона — успокоительно замѣтилъ Морель. — Одно это отверстіе ничего бы не значило, но есть и другое, на противоположной сторонѣ, вверху. Этотъ залпъ сдѣланъ сверху, а не снизу.

Осмотръ подтвердилъ его предположеніе. Пижонъ, взобравшись по снастямъ, не замедлилъ найти отверстіе на противоположной сторонѣ аэрокара. Очевидно, французы стрѣляли въ насъ снизу, когда же я развернулъ національный флагъ, какой-нибудь нѣмецкій аэропатруль, отважившійся проникнуть на французскую часть неба, привѣтствовалъ его сверху.

Поручикъ Дэвисъ.

Обмѣнявшись мнѣніями, мы погрузились въ молчаніе, пріунывъ отъ этихъ печальныхъ событій. Было четыре часа. Мы продолжали летѣть въ туманѣ, постепенно опускаясь, несмотря на выбрасываемый балластъ. Было уже совсѣмъ темно, когда мы подлетали къ Дижону, уже на высотѣ двухсотъ метровъ. Спустившись у ангара, предназначеннаго для аэрокаровъ, я поручилъ Морелю озаботиться исправленіемъ нашего воздушнаго корабля, а самъ съ Пижономъ собирался взять автомобиль и отправиться ночевать въ

гостиницу, когда меня окликнулъ молодой человѣкъ, въ костюмѣ англійскаго туриста, высокій, бѣлокурый, съ задумчивымъ лицомъ и спокойными глазами.

— Какъ, это вы? какими судьбами? что миссъ Ада?

— Въ полной безопасности, у родныхъ, благодаря вамъ... Чѣмъ мнѣ васъ благодарить!

— Это я вамъ сейчасъ объясню.

Этотъ бѣлокурый молодой человѣкъ былъ поручикъ Томъ Дэвисъ, состоявшій при главномъ штабѣ англійской арміи.

II. Воздушная армія.

Повѣдка въ Монбланскій арсеналь. — Воздушный флотъ. — Первый летучій полкъ. — Загадочная катастрофа. — Взрывъ Бельфера. — Отлеть воздушной Армады.

Рѣшительно, моя счастливая звѣзда послала мнѣ эту встрѣчу. Разсказавъ о катастрофѣ съ подводнымъ крейсеромъ, гибели посланника и своемъ спасеніи, Томъ Дэвисъ — котораго я пригласилъ пообѣдать со мною въ ресторанѣ при Дижонскомъ аэрогаражѣ — сообщилъ мнѣ, что по прибытіи въ Парижъ онъ получилъ приказъ отправиться вмѣстѣ съ главнокомандующимъ французской воздушной арміей, аэрадмираломъ Рапо, въ арсеналь Монблана. Сюда, въ Дижонъ они прибыли на адмиральскомъ четырехвинтовомъ аэро-

крейсерѣ, отсюда же отправляются въ полночь на Шамуни въ блиндированномъ автомобилѣ. Онъ охотно согласился представить меня адмиралу и съ своей стороны похлопотать о разрѣшеніи мнѣ доступа въ арсеналь.

Все устроилось гораздо легче, чѣмъ я ожидалъ. Аэрадмиралъ Рапо, сухой, костлявый, смуглый мужчина, съ огромными усами, внимательно выслушалъ поручика, подумалъ съ минуту и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вопросъ этотъ обсуждался съ совѣтъ министровъ. Рѣшено допустить

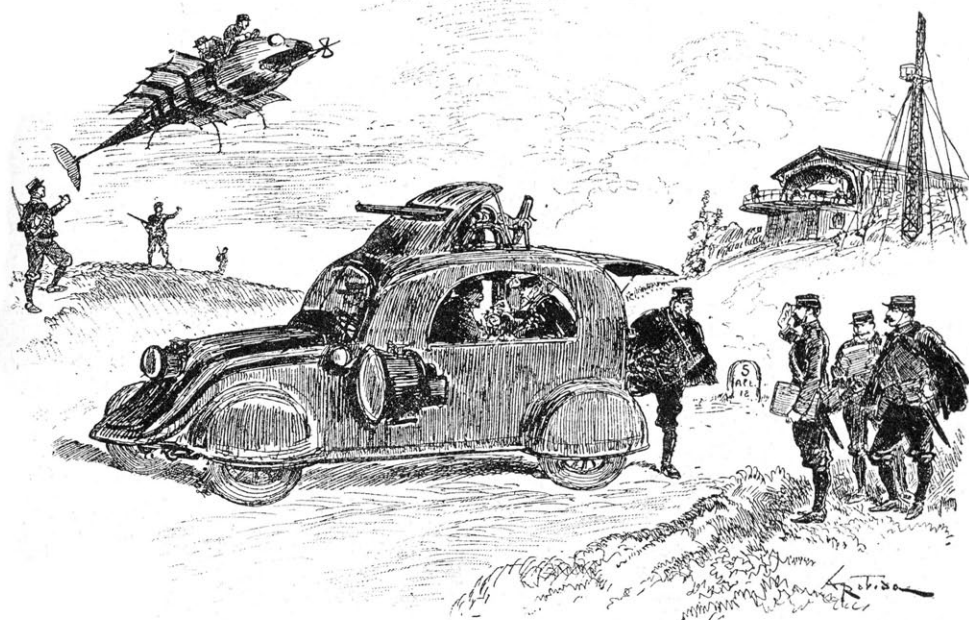
корреспондентовъ, желающихъ осмотрѣть арсеналъ. Пора сообщить странѣ, что сдѣлано для ея обороны и оправдать годы строгой тайны. Вы просите разрѣшенія,—я вамъ его даю.

— Мнѣ первому?

— Просили уже многіе, но я отложилъ выдачу разрѣшеній до завтра. Но такъ и быть, я знаю вашу газету, и ея сочувствіе къ новымъ идеямъ и прогрессивному движенію... Я

могу ничего сообщить о томъ, что происходило между двѣнадцатю часами ночи и четырьмя утра. Но проживи я тысячу лѣтъ, я все-таки не забуду зрѣлища, открывшагося передо мною, когда меня разбудили утромъ.

Мы находились въ Монбланскомъ арсеналѣ. Замѣтивъ изумленные взгляды, которые мы съ Пижономъ бросали кругомъ, аэрадмиралъ Рапо съ улыбкой обратился къ намъ:

Мы тронулись въ блиндированномъ автомобилѣ...

вижу, вамъ очень хочется, мы возьмемъ васъ съ собой.

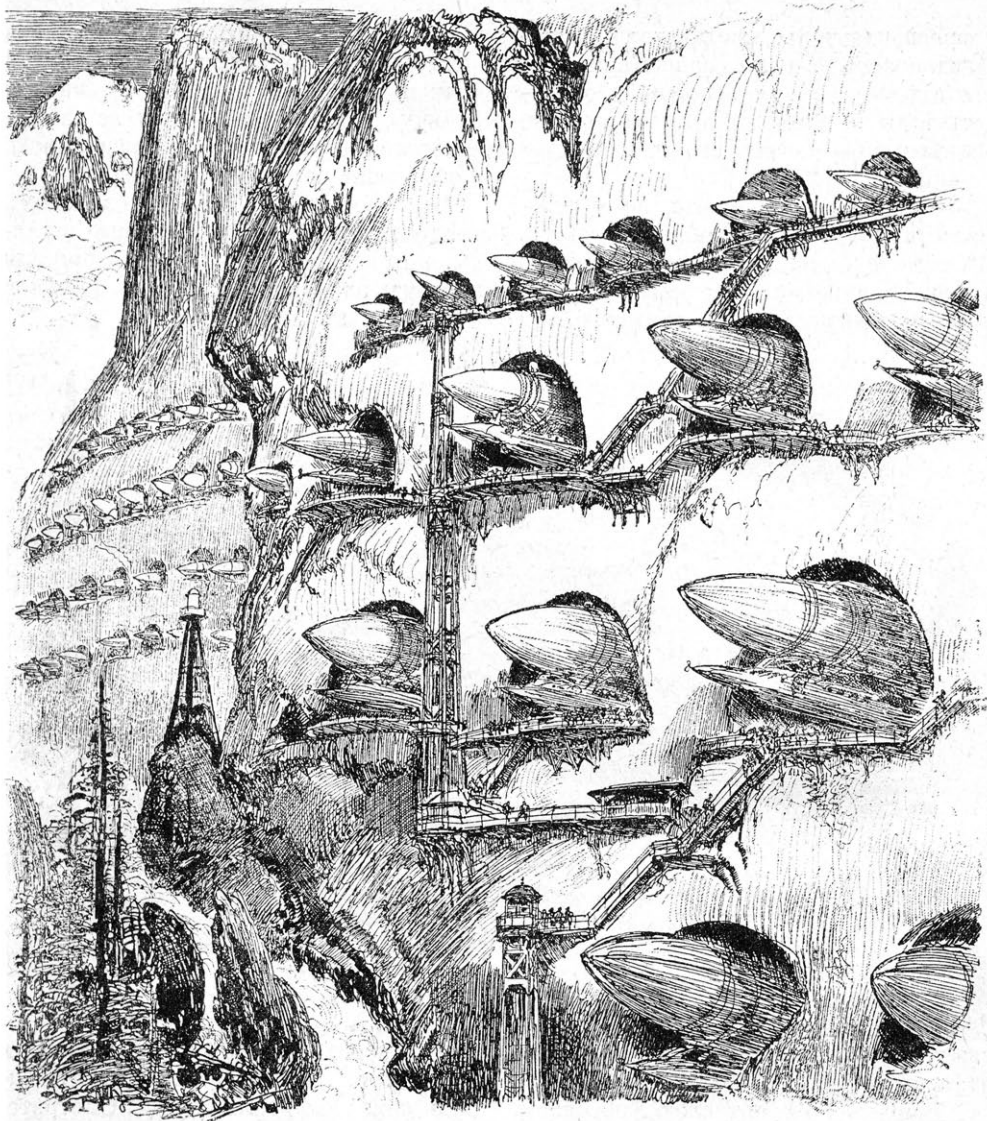
Адмиралъ простеръ свою любезность до того, что согласился прихватить и моего помощника Пижона, который совѣтъ было приунылъ при мысли, что ему не удастся побывать въ знаменитомъ арсеналѣ.

Спустя двадцать минутъ мы тронулись въ блиндированномъ автомобилѣ по специальной дорогѣ, соединявшей Монбланскій арсеналъ съ Дюнкирхеномъ и Марселемъ.

Мы мчались, дѣлая по сто двадцать километровъ въ часъ. Утомленный происшествіями дня, я заснулъ, и не

— Господа, вы можете осматривать здѣсь все, не опасаясь, что кто-нибудь вамъ воспрепятствуетъ. Смотрите, отмѣчайте, и сообщите въ „2000-ый годъ“ о результатѣ вашего осмотра. Ваше сообщеніе успокоитъ Францію... А она нуждается въ этомъ въ виду карканья пессимистовъ, предсказывающихъ гибель Республикѣ... Вы увидите первую въ мірѣ воздушную армію.

Поручивъ молодому офицеру, г. Луи де Реальмону, проводить насъ до цитадели, адмиралъ, вмѣстѣ съ окружившимъ его штабомъ и поручикомъ Дэвисомъ, отправился распоряжаться отлетомъ арміи; мы же принялись за осмотръ.

Полтора́ста аэрокаро́въ имѣли здѣсь свои нѣзды...

Первое, что привлекло наше вниманіе, была гигантская, почти отвѣсная стѣна, въ сто двадцать метровъ высоты, въ которой полтора́ста нишъ, въ триста метровъ глубины каждая, служили помѣщеніемъ для воздушнаго флота Республики. Полтора́ста аэрокаро́въ, большихъ, среднихъ и малыхъ, имѣли здѣсь каждый свое гнѣздо.

Справа и слѣва, по обѣимъ сторонамъ этой чудовищной скалы, съ ре-

вомъ низвергались огромные водопады, назначеніе которыхъ нетрудно было понять. Они приводили въ дѣйствіе мастерскія, расположенныя внизу, въ долину.

— Мы не примѣняемъ каменнаго угля—замѣтилъ по этому поводу нашъ чичероне. — Нашу главную двигательную силу составляетъ „бѣлый уголь“ ледниковъ. Въ одной только долину Арфактьеры, которую вы видите подѣ

собою, на глубинѣ двухсотъ метровъ, гидро-электрическія машины, служащія для сооруженія аэрокаровъ, производ-ства газовъ и маселъ, подъема лифтовъ и площадокъ, передачи двигательной силы на разстояніе, развиваютъ 296.000 лошадиныхъ силъ.

Продолжая бесѣдовать, мы вошли въ галерею и, по приглашенію офицера, спустились черезъ опускающую дверь въ небольшое подземелье, освѣщенное электрической лампой. Отсюда подъемная площадка быстро пере-

несла насъ на сотню метровъ вверхъ въ просторную залу, изъ которой открывался видъ на далекую панораму Альпъ. Изъ залы мы вышли на обширную полукруглую эспланаду, сплошь уставленную какими-то странными аппаратами продолговатой формы. Я вопросительно взглянулъ на нашего спутника.

— Это нашъ главный секретъ—сказалъ молодой офицеръ.—Нашъ первый крылатый полкъ, — двѣ тысячи четырехста летуновъ, набранныхъ среди

Аппаратъ ринулся въ пропасть.

альпійскихъ охотниковъ, саперовъ, даже моряковъ. Всѣ хорошо знакомы съ практической механикой, и обязались пятилѣтней службой. Намъ удалось наконецъ рѣшить долго не дававшуюся въ руки задачу,—обезпечить, путемъ сочетанія вертикальнаго и горизонтальнаго винтовъ и необычайно чувствительнаго передаточнаго механизма такую свободу, точность и быстроту движеній, что человѣкъ въ этомъ аппаратѣ безъ преувеличенія можетъ быть названъ человѣкомъ — птицей; всякое нарушеніе равновѣсія исправляется, всякое измѣненіе положенія и направленія осуществляется почти автоматически. Сейчасъ вы увидите этотъ аппаратъ въ дѣйстви.

По знаку офицера, двое солдатъ помѣстились въ аппаратъ, который почти въ то же мновеніе поднялся на незначительную высоту и съ головокружительной быстротой ринулся въ зиявшую подъ нашими ногами пропасть. Я похолодѣлъ и невольно закрылъ на мновеніе глаза, но жужжаніе мотора заставило меня открыть ихъ. Аппаратъ уже поднялся, направляясь къ противоположной сторонѣ пропасти. Еще рядъ эволюцій въ воздухѣ, которыя я могу сравнить только съ зигзагами и кругами ласточки, и аппаратъ плавно опустился въ двухъ миляхъ отъ насъ.

Мы продолжали осмотръ, то поднимаясь, то опускаясь, по лѣстницамъ или при помощи быстрыхъ моторовъ, проходя по галлереймъ, минуя склады различныхъ химическихъ продуктовъ, осматривая мастерскія и не уставая дѣлать отмѣтки, пользуясь объясненіями нашего любезнаго спутника. Къ восьми часамъ мы сдѣлали прогулку въ два-три километра, въ этомъ рабочемъ ульѣ, порою оглушаемые шумомъ каскадовъ, приводившихъ въ дѣйствіе огромныя турбины, грохотомъ машинъ, стукомъ огромныхъ моторовъ...

Но мнѣ хотѣлось ознакомиться поближе съ однимъ изъ тѣхъ воздушныхъ кораблей, помѣщеніе которыхъ мы видѣли снаружи. Это не встрѣтило затрудненій. Нѣсколько мновеній въ

кѣткѣ лифта—и мы очутились вверху, на лѣстницѣ грота, въ которомъ адмиральскій аэрокаръ „Монгольфье“, въ полной боевой готовности, дожидался приказа объ отлетѣ. Съ площадки, на которой мы стояли, онъ показался мнѣ величиной съ хорошей парижскій домъ. Онъ слегка покачивался на привязи въ тоннелѣ вышиной футовъ въ сорокъ.

На балконѣ передъ нишей этого левіафана стояла группа офицеровъ главнаго штаба, которымъ нашъ спутникъ представилъ насъ. Предупрежденные аэрадмираломъ Рапо о нашемъ посѣщеніи, они приняли насъ очень любезно.

Здѣсь мы разстались съ г. Реальмономъ, который долженъ былъ вернуться къ своему крылатому полку, подготовлявшемуся къ отлету. Майоръ Драпье, съ которымъ онъ познакомилъ насъ, охотно согласился дать намъ необходимыя объясненія, и мы приступили къ детальному осмотру аэрокара.

Признаюсь, у меня морозъ подиралъ по кожѣ при видѣ бомбометовъ, пулеметовъ и другихъ истребительныхъ орудій, которыми была снабжена огромная гондола этого гиганта. Вместимость его составляла семьдесятъ тысячъ кубическихъ метровъ, подъемная сила достигала девяносто тоннъ; онъ имѣлъ двѣсти метровъ длины при двадцати восьми метрахъ въ поперечникѣ. Два мотора по полторы тысячи силъ каждый сообщали ему скорость болѣе 100 километровъ въ часъ, которую легко выносила необычайно упругая и прочная, непроницаемая оболочка, пропитанная составомъ, формула котораго сохранялась въ тайнѣ. Балласта не было: его замѣнялъ остроумно приспособленный аппаратъ для быстрого охлажденія газа; въ нѣсколько мновеній онъ могъ превращать въ твердое состояніе часть водорода, заключеннаго въ оболочкѣ, и съ такою же быстротою возвращать его въ газообразное состояніе. Такимъ образомъ, подъемъ или опусканіе регулировались безъ всякой потери газа, что, въ связи съ почти абсолютной

непроницаемостью оболочки, давало аэрокару возможность проводить въ воздухѣ не часы, а дни и недѣли.

— Это наше преимущество надъ враждебными эскадрами—замѣтилъ майоръ—такъ какъ секретъ нашего изобрѣтенія, кажется, еще никому не удалось пронюхать...

Онъ еще не успѣлъ окончить фразу, какъ страшный взрывъ потрясъ стѣны туннеля, пробуждая безчисленные эхо въ ущельяхъ горъ; аэрокаръ дрогнулъ на своихъ канатахъ; снаружи послышались крики.

Мы ринулись на балконъ. Офицеры наклонились надъ пропастью, отыскивая мѣсто взрыва. Не знаю, почему я направилъ свой бинокль ввысь, къ ясному небу. Быть можетъ, смутное воспоминаніе о вчерашней катастрофѣ, стоявшей жизни моему бѣдному Вангу, руководило мною. Но я искалъ не напрасно...

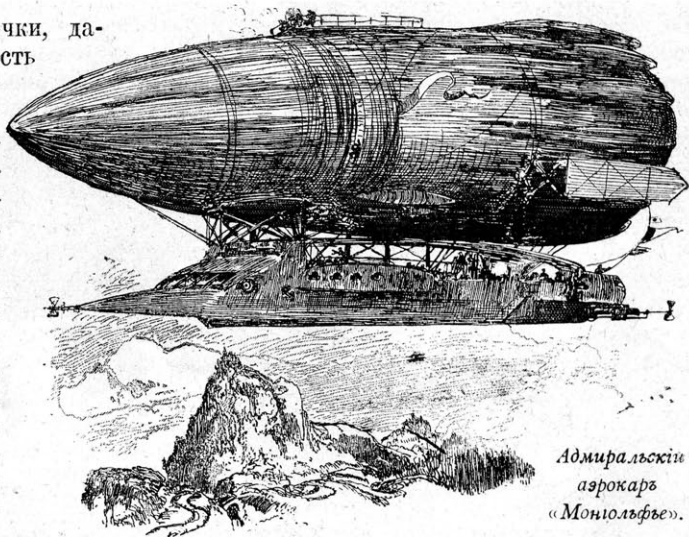
— Майоръ!—крикнулъ я,—майоръ! Господа! Тамъ, вверху—смотрите!.. За тысячу метровъ отсюда... или больше... смотрите сами! Крейсеръ! Иностранный крейсеръ! Сейчасъ онъ скроется въ облакахъ... Вотъ, опять показался.

Майоръ направилъ бинокль въ ту точку, на которую я указывалъ рукой.

— Вѣрно, чтобъ ему...—выругался онъ.—Крейсеръ... небольшой... странной формы... Безъ сомнѣнія, нѣмецкій развѣдчикъ, пустившій въ насъ разрывной снарядъ. Ахъ, каналья! Теперь улепetyваетъ къ сѣверу, прикрываясь облаками. А мы киснемъ здѣсь на привязи... Чего же дожидается аэрадмиралъ?

Тѣмъ временемъ одинъ изъ офицеровъ бросился къ мегафону за справкой. Спустя нѣсколько мгновений вибрирующая пластинка отвѣтила:

— Граната брошена сверху въ лабораторію химиковъ. Произошелъ

Адмиральскіе
аэрокаръ
«Монольфы».

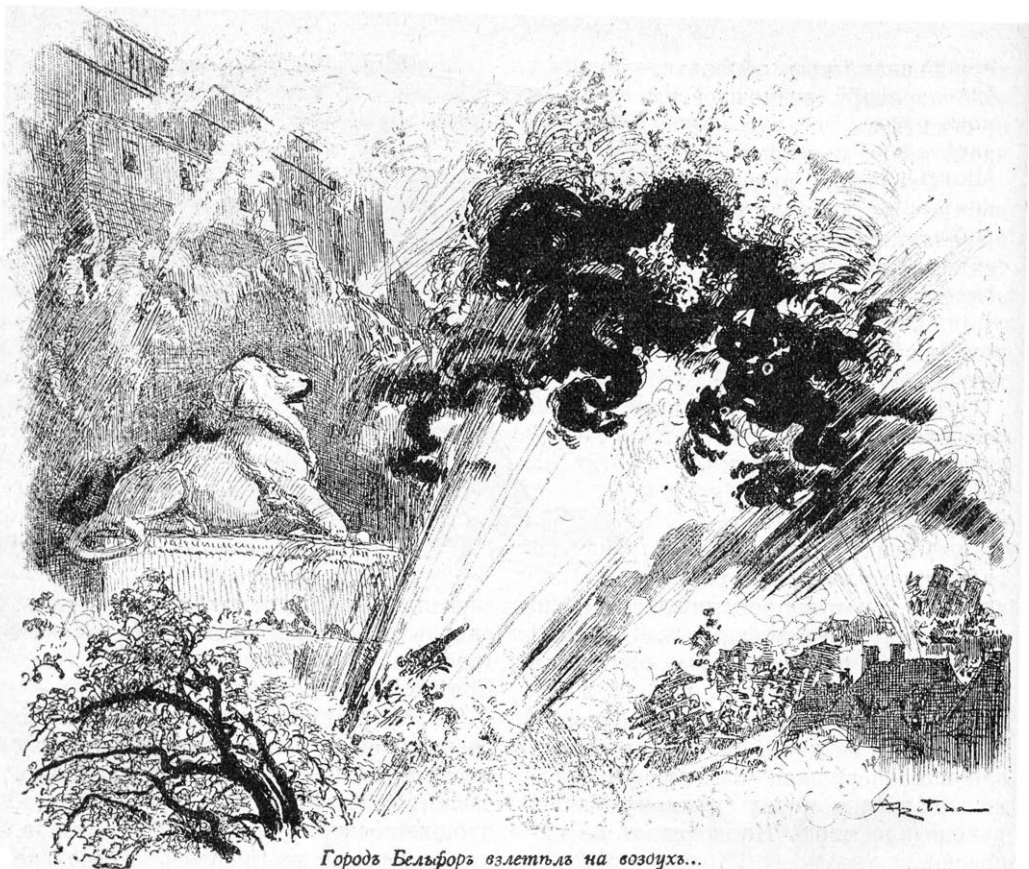
взрывъ. Убитыхъ человѣкъ пятьдесятъ, раненыхъ болѣе сотни. Аэрадмиралъ требуетъ всѣхъ офицеровъ въ Залъ Совѣта.

Офицеры поспѣшили исполнить это распоряженіе, а мы спустились внизъ и постарались разузнать подробности катастрофы. Оказалось, что граната, пущенная сверху, пробила броню склада, въ которомъ помѣщалось нѣсколько тоннъ эфира, бензина, сѣрной кислоты и другихъ реактивовъ. Всѣ это взлетѣло на воздухъ. Мы прошли къ мѣсту катастрофы. Тамъ уже кипѣла работа, производившаяся въ полномъ порядкѣ. Разрывали обломки, тушили пламя, мертвыхъ относили въ особое помѣщеніе, раненыхъ въ госпиталь.

Лужи крови, разорванные, истерзанные, обожженные тѣла, стоны раненыхъ, вопли заживо сторавшихъ жертвъ, еще не освобожденныхъ изъ-подъ обломковъ—все это произвело на меня гнетущее впечатлѣніе. Всего сутки—и столько жертвъ: обьятая пламенемъ Гага, крейсеръ англійскаго посланника, погибшій со всѣмъ экипажемъ, кромѣ трехъ человѣкъ, смерть Ванга, теперешняя катастрофа...

— Истребительная война!—пробормоталъ я...

— Да,—замѣтилъ стоявшій подлѣ меня солдатъ, указывая на изорванные

Городъ Бельфоръ взлетѣлъ на воздухъ...

трупы,—какъ подумаешь, что завтра или послѣзавтра будешь въ такомъ же видѣ, то щеотно станеть...

— Ну,—возразилъ я,—не всѣхъ же убиваютъ на войнѣ.

— Э, сударь—этимъ прежде можно было утѣшаться. Въ старину точно: на войну ходили и домой возвращались. А теперь, кто пойдетъ, тотъ тамъ и останется. Вотъ увидите сами. Больно ужъ хорошо убивать научились... Ну, да къ тому готовились: теперь ужъ пятиться нечего!

Событія какъ будто рѣшились подтвердить это угрюмое пророчество солдата.

Несмотря на суматоху, воли раненыхъ, крики рабочихъ, я явственно слышалъ какой-то странный глухой гулъ, донесшійся, повидимому, издалека, и почти въ ту же минуту почувствовалъ, что земля дрогнула подъ моими ногами.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ никто не могъ объяснить, въ чемъ дѣло. Наконецъ, я столкнулся съ поручикомъ Дэвисомъ, который былъ въ свитѣ аэрадмирала, явившагося осмотрѣть мѣсто катастрофы.

— Сейчасъ сообщили съ сейсмографа,—отвѣтилъ онъ на мои вопросы,—что стрѣлки аппаратовъ указываютъ на сильный подземный толчекъ въ пятистахъ километрахъ отъ Монблана.

— Землетрясеніе?—изумился я.

— Нѣтъ, по характеру толчка видно, что происхожденіе его иное. Инженеры предполагаютъ взрывъ въ какой-нибудь первоклассной крѣпости. Скорѣ мы узнаемъ въ чемъ дѣло.

Дѣйствительно, спустя минутъ десять, онъ сообщилъ намъ грустную новость, полученную по подземной проволоцѣ.

— Просто непостижимо,—сказалъ онъ.—Городъ Бельфоръ взлетѣлъ на

воздухъ, безъ всякой видимой причины, безъ всякаго нападенія... Двѣ трети домовъ разрушены, уцѣлѣвшіе—въ огнѣ, число жертвъ колоссально. Въ фортѣ Мюттъ, господствующемъ надъ городомъ, получена наглая телеграмма изъ Майнца:—„Разгадку тайны ищите въ землѣ, поглубже. Привѣтъ, Todten-Fabrik!“

— „Todten-Fabrik!“—повторилъ Пижонъ.—„Фабрика труповъ“—это прозвище было дано Бельфору въ войну 1870—71 пруссаками за героическую ежедневную защиту его гарнизона, большая часть котораго погибла въ бою или отъ лишений... Несомнѣнно, они взорвали его теперь, но какъ?

Вскорѣ это выяснилось. Изъ дальнѣйшихъ депешъ, полученныхъ черезъ Парижъ по беспроволочному телеграфу, мы узнали, что на глубинѣ ста метровъ подъ Бельфоромъ обнаружена подземная галлерей, проведенная съ востока, очевидно, изъ какого-нибудь нѣмецкаго форта. Разумѣется, она была

подготовлена заранее, еще въ мирное время:

сверлящія машины, приводимыя въ дѣйствіе на разстояніи, при посредствѣ электрическихъ волнъ, вѣроятно, не одинъ мѣсяцъ продолжали свою кротовую работу. Огромный складъ плутонита, сильнѣйшаго изъ взрывчатыхъ веществъ послѣдней фабрикаціи, сдѣлалъ свое дѣло.

Но отмщеніе было близко.

Въ двѣнадцать часовъ послѣдовала отправка полка „летуновъ“; нѣсколько поздиѣе, послѣ завтрака, въ два часа, къ которому любезно пригласилъ насъ аэрадмиралъ Рапо, должна была тронуться въ путь эскадра изъ 150 аэрокаровъ.

Мы воспользовались оставшимися временемъ для сообщенія въ „2000-ый годъ“ обо всемъ нами видѣнномъ въ арсеналѣ. На центральной станціи, заведующій, предупрежденный аэрадмираломъ, соединилъ насъ непосредственно съ редакціей, и мы протелефонировали столбца четыре, разумѣется передавая лишь самое существенное. Пижонъ даже успѣлъ сообщить рядъ фотографій, снятыхъ имъ въ теченіе осмотра.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, мы отправились завтракать. Завтракъ былъ поданъ на большомъ бѣломъ столѣ, безъ скатерти и приборовъ. Пе-

Отправка полка летуновъ.

редъ каждымъ изъ приглашенныхъ (всѣхъ было сто пятьдесятъ четыре человека: командиры аэрокаровъ, Рапо, Томъ Дэвисъ и мы съ Пижонемъ) стояла тарелка съ нѣсколькими круглыми лепешечками разныхъ цвѣтовъ. Этотъ способъ „концентрированнаго“ питанія только еще началъ входить въ употребленіе. Лепешечки или таблички называли „бертлотками“—по имени знаменитаго химика Бертло, основателя химическаго синтеза, который еще въ тѣ времена предвидѣлъ этотъ результатъ успѣховъ химіи. Каждая табличка содержала въ концентрированной формѣ порцію какого-нибудь кушанья. Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ двѣ минуты, я успѣлъ проглотить порцію бифштекса, рагу изъ кролика, фазана и ананасъ въ качествѣ десерта; все вполне удовлетворительнаго качества. Концентрированная вина также были очень хороши: табличка быстро таяла во рту, и впечатлѣніе почти не отличалось отъ того, которое производитъ стаканъ бордо или лафита.

— Какъ же, однако, Рапо провозгласить тостъ? — шепнулъ мнѣ Пижонъ.—Безъ тоста не обойдешься, а бокаловъ нѣтъ; не лепешку же поднимать?..

Но адмиралъ какъ будто подслушалъ слова моего помощника. Онъ обнажилъ и поднялъ вверхъ короткую шпагу, которую офицеры воздушной арміи носили у пояса. Его жестъ былъ какъ бы сигналомъ. Полтора ста клинковъ сверкнули въ воздухѣ; наступила гробовая тишина.

— Товарищи! — сказалъ адмиралъ громкимъ, звучнымъ голосомъ,—не бокаль, а мечъ поднимаемъ мы сегодня въ честь нашей матери Республики! Этимъ мечомъ, символомъ безопадной войны, которая начинается, которая уже началась, мы уничтожимъ противника. Безъ сомнѣнія, кампанія, участниками и жертвами которой мы явимся—вы, господа, и я—будетъ свирѣпая, неумолимая, дикая до такой степени, что народы уже не захотятъ въ будущемъ возобновлять ее. Пожелаемъ,

чтобы такъ было, чтобы человѣчество отказалось, наконецъ, отъ безумной страсти къ рѣзнѣ! По поклянемся, что заносчивый врагъ, кошмаръ Европы, ненавистникъ свободы и мира, кующій его народамъ, не встрѣтитъ съ нашей стороны ничего, кромѣ опустошенія, пожара и смерти! Поклянемся отдать нашу жизнь, чтобы обезпечить побѣду за Франціей и ея союзниками! Я не общаю вамъ лавровъ, награды, радостнаго возвращенія,—я, обреченный, веду на смерть васъ, обреченныхъ, чтобы дать нашей роднѣ возможность установить вѣчный миръ человѣчества. Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Республика!

Я думалъ, что зала обрушится отъ оглушительныхъ криковъ.

Когда всѣ успокоились, аэрадмиралъ отдалъ приказъ объ отлетѣ.

Зала мгновенно опустѣла: офицеры поспѣшили къ лифтамъ, чтобы подняться къ своимъ кораблямъ.

Загремѣли сигналы: сирены, трубы, свистки будили эхо, перекатывавшееся въ горахъ.

Мы вышли изъ залы послѣдними, вмѣстѣ съ Рапо и Дэвисомъ.

— Досадно, что намъ нельзя отправиться вмѣстѣ съ вами—вдохнулъ Пижонъ.

— Почему же нѣтъ, — отвѣтилъ аэрадмиралъ.—Я не могу вамъ сказать, куда мы направляемся—это пока тайна; но ничего не имѣю противъ вашего присутствія при нашихъ эволюціяхъ, при нашихъ битвахъ... Предупреждаю только, что вамъ придется испытывать довольно сильныя впечатлѣнія. Но вы, конечно, знали, на что идете, принимая на себя обязанности военныхъ корреспондентовъ.

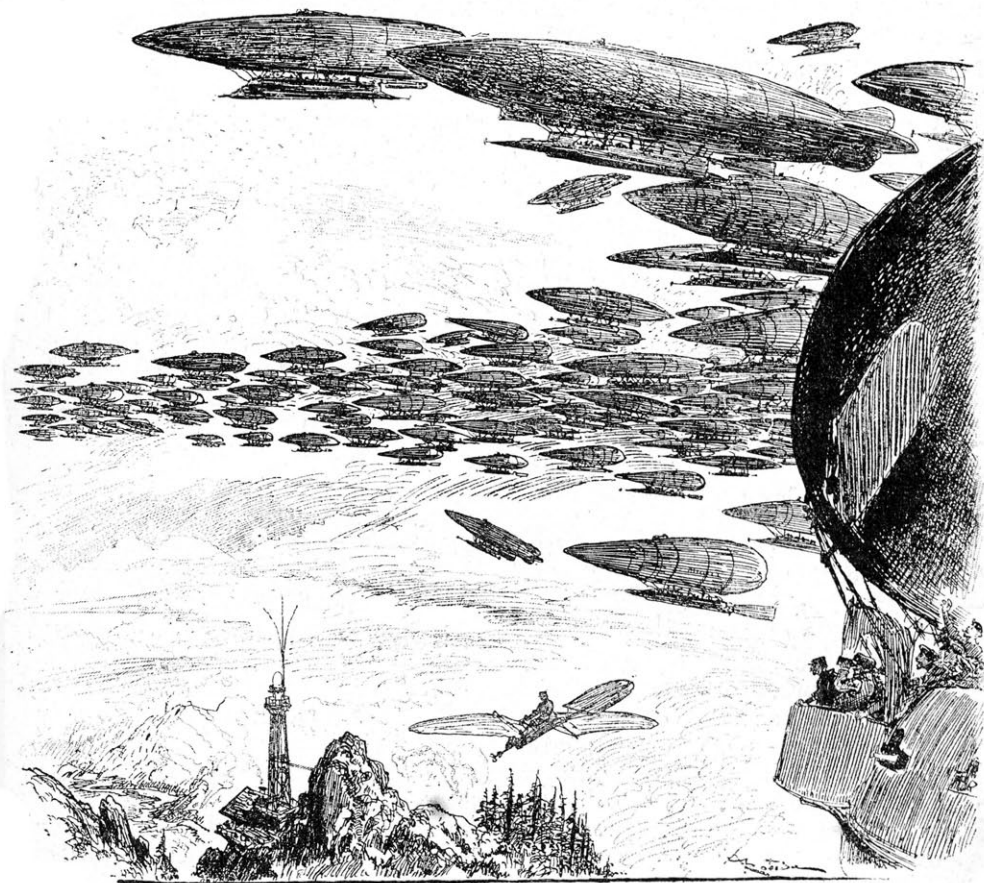
Разумѣется, я не могъ упустить такого случая. Аэрадмиралъ разрѣшилъ мнѣ отправиться на „Монгольфье“, флагманскомъ аэрокарѣ; Пижонъ помѣстился на „Сантосъ Дюмонъ“, въ обществѣ Тома Дэвиса.

„Монгольфье“ долженъ былъ тронуться въ путь послѣднимъ, чтобы занять потомъ мѣсто во главѣ этой

небесной армады. Такимъ образомъ, мнѣ удалось видѣть отправку флота. По данному сигналу,—пушечному выстрѣлу—всѣ аэрокары, большіе и малые, за исключеніемъ флагмана, разомъ, съ математическою привильностью, ринулись въ пространство, съ оглушительнымъ шумомъ моторовъ.

передъ собою цѣлый флотъ воздушныхъ судовъ, я могъ оцѣнить успѣхи, сдѣланные аэронавтикой за такой короткий сравнительно промежутокъ времени.

Но свистокъ, возвѣщавшій объ отлѣтѣ адмиральскаго аэрокара, вернулъ меня къ дѣйствительности. Мы вошли

Всѣ аэрокары ринулись въ пространство...

Точно стая исполинскихъ летучихъ рыбъ, крылатыхъ китовъ, фантастическихъ акулъ, вылетающихъ изъ глубокихъ пучинъ въ воздушныя пространства!

Это была поистинѣ фантастическая, ни съ чѣмъ не сравнимая картина.

Какъ легко, увѣренно, стройно маневрировали они передъ нашими глазами! Только теперь, когда я видѣлъ

въ гондолу—и, минуту спустя, „Монгольфье“ плавно вылеталъ изъ своего туннеля. Поднявшись на высоту двухсотъ метровъ надъ самымъ высокимъ пикомъ арсенала, г. Дранье далъ полный ходъ, и черезъ нѣсколько мгновеній адмиральскій корабль сталъ во главѣ флота, выстроившагося огромнымъ полукругомъ, въ полной боевой готовности.

III. Сѣятели ужаса.

Тактика воздушной войны. — Флотъ невидимка. — Сожженіе Мюнхена. — Истребленіе вспомогательныхъ поѣздовъ. — Сдача Дугсбурга. — Черный Корсаръ. — Уничтоженіе блиндированныхъ поѣздовъ. — Гибель „Сантосъ Дюмона“ — Унесенъ въ пространство.

По сигналу флагами съ адмиральскаго аэрокара, флотъ выстроился въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди пять маленькихъ крейсеровъ, въ шестнадцать тысячъ кубическихъ метровъ каждый; за ними десять большихъ судовъ, выстроенныхъ двумя параллельными рядами; по бокомъ десять, судовъ средней величины, тоже двумя рядами. Затѣмъ снова пять маленькихъ крейсеровъ, и такъ далѣе.

Всего было шесть группъ по двадцати пяти различныхъ боевыхъ единицъ въ каждой. Каждый аэрокаръ держался въ пятидесяти метрахъ расстоянія отъ остальныхъ.

Я разговаривалъ съ офицеромъ, г. Равиньякомъ, сидѣвшимъ рядомъ со мною.

По его предположенію намъ предстояло имѣть дѣло съ нѣмецкой воздушной эскадрой.

— Какъ же будетъ происходить сраженіе, если мы встрѣтимся съ нею? — спросилъ я. — Артиллерійскій бой невозможенъ, орудій нѣтъ на аэрокарахъ, ни у насъ, ни у нихъ, конечно...

— Ну, разумѣется. Въ воздухѣ иная тактика, чѣмъ на землѣ. Главное условіе побѣды — держаться выше противника. Сверху мы можемъ метать въ него разрывные снаряды, даже просто бросать: сила тяжести замѣнитъ силу пороха.

— Но вѣдь и противникъ постарается сдѣлать то же.

— Конечно. Вопросъ въ томъ, кто заберется выше, дальше отъ земной поверхности. Тотъ, кому удастся держаться все время надъ своимъ противникомъ, тотъ и одолѣетъ.

Среди разговора, я случайно глянулъ за бортъ, и похолодѣлъ отъ ужаса. Густая струя черного дыма выходила изъ нижней части нашего аэрокара. Пожаръ — стало быть взрывъ и паденіе съ высоты въ двѣ тысячи ме-

тровъ... Мой ужасъ усилился, когда я замѣтилъ такіе же клубы дыма, выбившіеся изъ подъ ближайшаго къ намъ аэрокара, „Сантосъ Дюмона“.

Я повернулся къ своему сосѣду и указалъ ему пальцемъ на дымъ, тщетно пытаюсь произнести хоть слово. Но онъ засмѣялся.

— Не тревожьтесь, сударь, это военный приѣмъ, исполняемый нашими судами по сигналу флагмана. Аэрадмиралъ, очевидно, не желаетъ, чтобы насъ видѣли снизу. Въ виду этого каждый аэрокаръ выпускаетъ клубы дыма — при помощи извѣстныхъ вамъ химическихъ продуктовъ. Посмотрите, земли уже не видно, подъ нами непроницаемое темное облако. Если нѣмцы и замѣтятъ его надъ своими головами, то врядъ ли догадаются, какую грозу несетъ ихъ отечеству эта черная туча.

Солнце сѣло. Ясное небо надъ нами было усыяно звѣздами. Холодъ давалъ себя знать на этой высотѣ. Я нахлобучилъ мѣховую шапку, застегнулъ плотнѣе шубу, закутался въ одѣяло и растянулся на скамьѣ. Утомленный событіями дня, я скоро заснулъ подъ жужжанье моторовъ.

Я спалъ, какъ убитый, и должно быть долго. По крайней мѣрѣ, яркіе лучи солнца заставили меня зажмуриться, когда я проснулся, разбуженный взрывомъ голосовъ: это былъ точно радостный ревъ, вырвавшийся изъ тысячи глотковъ толпы озвѣрѣвшихъ людей.

Опомнившись, я оглядѣлся кругомъ и увидѣлъ нашъ воздушный флотъ, выстроенный правильнымъ кругомъ.

Затѣмъ я взглянулъ на землю, — подъ нашими ногами раскинулся большой городъ: дома, фабрики, церкви...

— Гдѣ мы? — спросилъ я у аэрадмирала, который стоялъ подлѣ меня на кормѣ „Монгольфье“.

— Надъ Мюнхеномъ, въ Баваріи. Я схватился за бинокль:

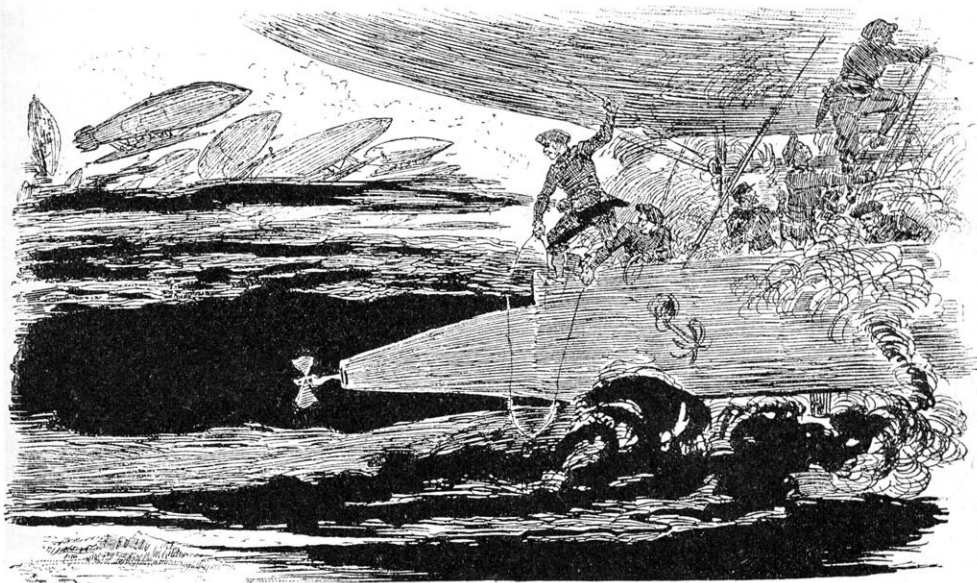
— Да-да, узнаю... Вотъ Изаръ, обѣ пинакотекы, глиптотека... Какія дивныя произведенія скульптуры и живописи тамъ собраны, адмиралъ. А соборъ! а церковь св. Бонифація... А какое пиво! Роскошь! Что же мы тутъ будемъ дѣлать?

— Вы не догадываетесь? Посмотрите на построение нашего флота и обра-

издѣвательство надъ всѣми постановленіями конгрессовъ!..

Адмиралъ засмѣялся какимъ-то дьявольскимъ смѣхомъ.

— Кажется, вы своими глазами видѣли, къ чему привели постановленія вашихъ конгрессовъ. Вспомните пожаръ Гаги, вспомните Бельфоръ, гибель котораго готовилась въ мирное время... Ужасъ — вотъ единственное средство современной войны. Кто

Струя чернаго дыма выходила изъ аэрокара...

тите вниманіе на солдатъ. Что они дѣлають?

— Стоять вдоль бортовъ и держать въ рукахъ... Боже мой! Неужели они хотятъ бросать въ городъ бомбы?

— Бомбы? нѣтъ, это зажигательныя ракеты. Вы увидите, какъ запылаетъ городъ. Сначала на периферіи, потомъ мы образуемъ еще кругъ ближе къ центру, и, наконецъ, третій въ центрѣ. Всего бросимъ восемнадцать тысячъ ракетъ. Восемнадцать тысячъ очаговъ пожара! Затѣмъ полетимъ въ Франкфуртъ и тамъ повторимъ то же.

— Адмиралъ, вы шутите!? Это невозможно... Мирные города... Вѣдь это же отрицаніе международнаго права,

сумѣть терроризировать противника, тотъ побѣдить. Это система нашего противника, ради нея онъ истощалъ силы народа на чудовищныя вооруженія, вынуждая и другія государства готовиться къ развязкѣ. Чтобы не стать жертвой этой системы, намъ остается сдѣлать врага ея жертвой...

Въ это мгновеніе красный флагъ взвился на носу „Монгольфье“: сигналъ ужаснаго пожара.

Шесть тысячъ шнурковъ были перерѣзаны разомъ — и шесть тысячъ зажигательныхъ снарядовъ полетѣли въ злополучный городъ.

Наступила гробовая тишина. На нашей высотѣ — болѣе километра —

нельзя было слышать городского гула.

Немного погодя до насъ долетѣлъ трескъ разрывающихся снарядовъ, какъ будто отдаленный залпъ изъ ружей. Мнѣ казалось, будто воздухъ наполнился дикими, отчаянными воплями, стонами, проклятіями, — но, конечно, это была лишь мгновенная галлюцинація: человѣческихъ голосовъ я не могъ слышать на такой высотѣ. Потомъ мы увидѣли столбы дыма, кольцомъ охватившіе городъ, и языки пламени; тѣмъ временемъ флотъ построился болѣе тѣснымъ кругомъ, повторился прежній сигналъ, — и еще шесть тысячъ снарядовъ послѣдовали за первыми; то же повторилось въ третій разъ.

Потомъ флотъ вытянулся въ линію и медленно направился къ сѣверу. „Монгольфье“ шель послѣднимъ.

Мюнхенъ пылалъ. Огромный городъ превращался въ колоссальный костеръ. Я видѣлъ сквозь клубы дыма, какъ пламя охватывало великолѣпныя зданія, церкви, музеи. Я думалъ о чудесахъ искусства, о сокровищахъ, наполненныхъ творчествомъ многихъ вѣковъ, невозвратно погибшихъ. Конечно, нечего было и думать о борьбѣ съ пожаромъ. Я различалъ въ бинокль фигуры людей, метавшихся по улицамъ въ тщетныхъ попыткахъ выбраться изъ огненной сферы...

Но вскорѣ густое черное облако дыма заволокло городъ, и я уже ничего не могъ разглядѣть.

„Монгольфье“ снова помѣстился во главѣ флота, выстроившагося въ прежнемъ порядкѣ, такъ что я находился всего въ ста метрахъ отъ „Сантосъ Дюмона“ и могъ обмѣняться впечатлѣніями съ Пижономъ и поручикомъ Дэвисомъ при помощи беспроволочнаго телефона.

На разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ Мюнхена мы замѣтили вспомогательные военные поѣзда, мчавшіеся къ баварской столицѣ.

— Недалеко уйдутъ эти поѣзда, — замѣтилъ адмиралъ. — Какъ это король баварскій, союзникъ „непобѣди-

мой“ Пруссіи, рискуетъ ихъ пускать, когда воздушная эскадра гуляетъ надъ его страной.

— Да, можетъ, быть король баварскій уже сжарился въ своемъ дворцѣ, — возразилъ я.

— О, нѣтъ! Эти господа только объявляютъ войны, а не несутъ на себѣ ихъ послѣдствій. Будьте покойны: король баварскій благодушествуетъ въ какомъ-нибудь безопасномъ мѣстѣ, пока на головы его подданныхъ сыплются зажигательные снаряды... Падетъ, однако, расправиться съ этими поѣздами.

Этой расправой занялся отрядъ небольшихъ аэрокаровъ, отдѣлившись отъ эскадры. Разрывные снаряды дѣлали свое дѣло. Локомотивы взлетали на воздухъ, вагоны пылали, огромные поѣзда скатывались съ высокой насыпи...

— Гдѣ бы могла быть нѣмецкая эскадра? — задумчиво проговорилъ Рапо, когда дѣло истребленія кончилось, и мы направились дальше.

— Такъ ваша цѣль сразиться съ нѣмецкой воздушной эскадрой, адмиралъ?

— Да, да. Къ сожалѣнію, сношенія съ Парижемъ по беспроволочному телеграфу прерваны. На Рейнѣ я не встрѣтилъ эскадру, въ Эльзасѣ, въ Вестфаліи ея нѣтъ; по инструкціи я долженъ искать ее въ Баваріи, водворяя въ то же время терроръ, разрушая города по имѣющемуся у меня списку. Пока приходится ограничиваться этой частью задачи. Впрочемъ, сейчасъ придется сдѣлать маленькій перерывъ.

— То-есть?

— Въ нѣсколькихъ аэрокарахъ третьей величины обнаружилась замѣтная убыль газа. Благоразуміе требуетъ пополнить ее. Мы недалеко отъ Аугсбурга, тамъ спустимся, завладѣемъ газовымъ заводомъ и приведемъ все въ исправность. За эту маленькую услугу, такъ и быть, поощримъ городъ.

Мы направились къ Аугсбургу. Погода замѣтно испортилась. Собирались тучи, вокругъ насъ стоялъ туманъ.

Беспроволочный телефонъ и сигнальные свистки поддерживали порядокъ въ эскадрѣ. Достигнувъ Аугсбурга, мы спустились на высоту въ шестьсотъ метровъ. Облако осталось надъ нами, и древній городъ, озаренный лучами солнца, былъ ясно виденъ. Вотъ удивительный соборъ, вонъ великолѣпная ратуша, лучшая въ Германіи, съ залой, наполненной произведеніями Ганса Гольбейна...

Внезапно какой-то трескъ долетѣлъ до нашихъ ушей.

— Въ насъ стрѣляютъ! — воскликнулъ Рапо. — Каковы нахалы! Бросьте десятковъ снарядовъ, — они поймутъ тогда, какая участь ихъ ожидаетъ, если вздумаютъ продолжать свою шутку.

Я невольно вздрогнулъ. — Неужели и этому городу предстоитъ участь Мюнхена? — вырвалось у меня. — Этой великолѣпной ратушѣ, этимъ древнимъ памятникамъ...

Стоявшій подлѣ меня офицеръ засмѣялся.

— Разбирать не станемъ — замѣтилъ онъ. — У васъ понятія прошлаго вѣка, сударь. На войнѣ, изволите видѣть, главное — успѣхъ...

— Да, конечно, конечно, — пробормоталъ я. — Я знаю... Не будемъ спорить.

Я попытался улыбнуться, но, кажется, вмѣсто улыбки у меня вышла гольео гримаса.

Но Аугсбургъ отдѣлался лишь нѣсколькими пожарами. На ратушѣ взвил-

ся бѣлый флагъ, и адмиралъ вступилъ въ переговоры съ бургомистромъ при помощи беспроволочнаго телефона.

— Кто въ насъ стрѣлялъ? — спросилъ онъ.

— Рота ландштурма, — отвѣтилъ бургомистръ, — несмотря на всѣ мои прось-

бы не дѣлать этого. Ландштурмомъ — всего въ отрядѣ 1200 человекъ — командуетъ генералъ фонъ-деръ-Пфальцъ. Онъ стоитъ рядомъ со мною.

— Очень хорошо. Предлагаю генералу фонъ-деръ-Пфальцу выдать мнѣ оружіе до истеченія часа во дворѣ арсенала.

Послѣдовала минута молчанія; загъмъ другой, болѣе рѣзкій, голосъ отвѣтилъ:

— Оружіе будетъ выдано, г. аэрадмиралъ.

— Затѣмъ, г. бургомистръ, вы предоставите въ мое распоряженіе газометръ вашего города со всѣмъ служебнымъ персоналомъ; доставите мнѣ три послѣдніе номера „Аугсбургской газеты“, каждого по

сотнѣ экземпляровъ, и всѣ полученныя сегодня телеграммы; солдаты генерала фонъ-деръ-Пфальца отправятся на равнину Кенигсдорфъ, гдѣ я спущу на землю часть флота, и помогутъ моимъ людямъ удерживать аэрокары; остальное населеніе города будетъ сидѣть по домамъ, не выходя на улицу, до вечера.

— Мы согласны, — послѣдовало отвѣтъ, послѣ нѣкотораго колебанія.

Расправа съ поѣздами.

— Наконецъ, не позднѣе трехъ часовъ, вы уплатите мнѣ въ ратушѣ контрибуцію въ два милліона марокъ. Я налагаю ее за стрѣльбу по флоту.

На этотъ разъ молчаніе длилось минуты двѣ. Затѣмъ послѣдовалъ тяжкій вздохъ и послышался унылый голосъ бургомистра:

— Будетъ исполнено, господинъ аэрадмиралъ. Вы сильнѣйшій...

— Совершенно вѣрно, господинъ бургомистръ. Итакъ, потрудитесь немедленно приняться за исполненіе моихъ распоряженій.

Двѣ трети нашей эскадры, — именно, большія и средня суда, — расположились четырьмя рядами на равнинѣ Кенигсдорфъ подлѣ города; малые же аэрокары, за исключеніемъ тѣхъ, которые требовали пополненія газомъ, остались на высотѣ пятисотъ метровъ для наблюденія за окрестностями.

Оборуженные солдаты ландштурма помогли прикрѣпить суда. Любопытное зрѣлище представляла эта сотня мастодонтовъ, покачивавшихся на высотѣ дома, на крѣпкихъ канатахъ, удерживаемыхъ якорями и чугунными брусками.

Газовый заводъ находился на противоположномъ концѣ города. Аэрадмиралъ въ сопровожденіи группы офицеровъ и солдатъ отправился туда; я и Пижонъ присоединились къ нимъ. Мы проѣхали на автомобиляхъ черезъ весь Аугсбургъ, — угрюмый, безмолвный, будто вымершій. Согласно распоряженію аэрадмирала, жителямъ запрещено было выходить на улицу. Гробовая тишина, царившая въ большомъ городѣ, производила зловѣщее впечатлѣніе.

Когда мы прибыли на заводъ, четыре аэрокара были уже наполнены газомъ — свѣтильнымъ, за отсутствіемъ водорода; остальные шесть инвалидовъ дожидались своей очереди, крейсируя на высотѣ двухсотъ метровъ надъ заводомъ.

Убѣдившись, что работа идетъ исправно, аэрадмиралъ вернулся въ ратушу, гдѣ принялъ отъ бургомистра

контрибуцію и триста номеровъ „Аугсбургской газеты“. Затѣмъ, мы хотѣли сдѣлать прогулку, но испортившаяся погода заставила адмирала отказаться отъ этого намѣренія. Пошелъ дождь. Черныя, ничего добраго не обещающія, тучи сгустились какъ разъ надъ Кенигсдорфомъ.

Аэрадмиралъ былъ видимо недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Лицо его нахмурилось. Дурное настроеніе духа еще усилилось, когда, отправившись вторично на заводъ, мы узнали, что пополненіе шаровъ газомъ замедлилось. Восемь были уже готовы въ какіе-нибудь четыре часа, но съ остальными двумя дѣло затянулось.

— Давленіе ослабѣло, — объяснилъ главный инженеръ, — давленіе ослабѣло. Что же прикажете дѣлать, г. аэрадмиралъ, вѣдь мы доставили за четыре часа болѣе двѣнадцати тысячъ кубическихъ метровъ газа! Безъ подготовки... Постараемся закончить къ шести часамъ, раньше и думать нечего.

Оставалось только примириться съ этой отсрочкой.

Поговоривъ съ капитанами „Сивеля“ и „Андрэ“, двухъ еще ненаполненныхъ аэрокаровъ, аэрадмиралъ со всѣми своими спутниками отправился обратно на Кенигсдорфъ.

Вернувшись на Монгольфье, я занялся въ ожиданіи отлета чтеніемъ газетъ.

Я узналъ, что германская и французская арміи, мобилизованныя въ теченіе сутокъ, сосредоточились въ Лотарингіи и въ Арденнахъ. Неизвѣстно было, произошли ли какія-нибудь сраженія. Корреспонденты не были допущены ни въ ту, ни въ другую армію, а бездымная и безшумная артиллерія дѣлала бой неслышнымъ.

Японія присоединилась къ Германіи и вступила въ борьбу съ Соединенными Штатами, начавшуюся большимъ морскимъ сраженіемъ при Голлулу.

Россія и маленькія государства еще воздерживались.

Огромная статья сообщала подробности о разрушеніи Мюнхена и уни-

чтоженіи вспомогательныхъ поѣздовъ.

Я взялся за вчерашній номеръ, и мнѣ сразу бросилась въ глаза замятка, которую я проглотилъ въ нѣсколько секундъ, почти не вѣря своимъ глазамъ, — замятка слѣдующаго содержанія:

Черный Корсаръ.

Нѣсколько часовъ тому назадъ миръ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ смѣнился войною. Все заставляетъ думать, что благодаря новѣйшимъ изобрѣтеніямъ, дѣйствіе которыхъ доведено до максимума—безшумнымъ пушкамъ, бездымному пороху, удушающимъ бомбамъ, стрѣльбѣ на двадцать пять километровъ, подводнымъ и воздушнымъ флотамъ—рѣзня превзойдетъ все, что было видано до сихъ поръ.

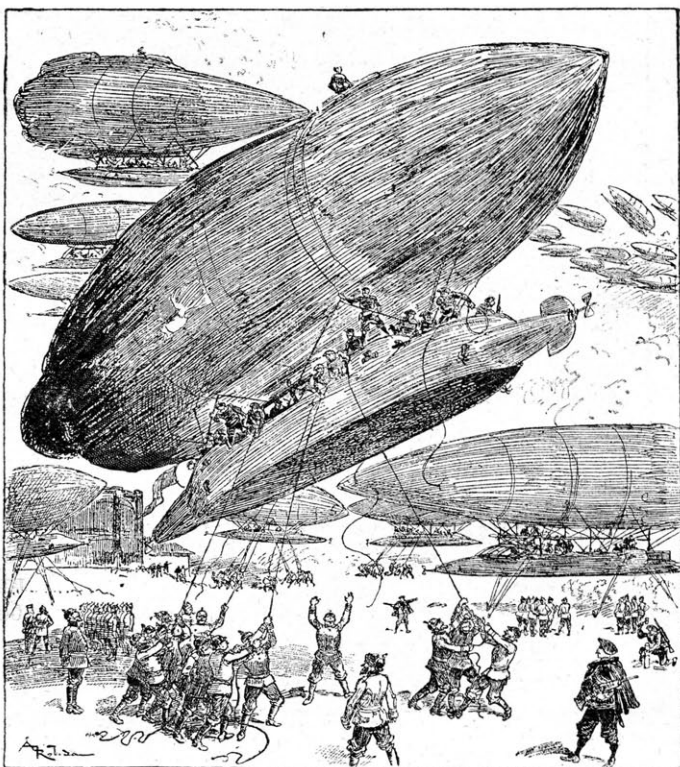
Комбаттанты, воюющіе на воздухѣ, уже начали разносить смерть и гибель. Сообщаютъ о появленіи какого-то таинственнаго аэрокара, совершившаго уже рядъ нападеній. Такъ какъ послѣдніе направлялись противъ французскихъ аэрокаровъ и фортовъ, то возникло предположеніе, что этотъ воздушный крейсеръ принадлежитъ Германіи. Но берлинское адмиралтейство заявляетъ, что ему неизвѣстенъ какой-либо военный дирижабль, которому поручено дѣйствовать отдѣльно.

Этотъ загадочный воздушный корабль — чернаго цвѣта, напоминаетъ формой черепаху—впрочемъ, онъ обладаетъ такимъ быстрымъ движеніемъ, что форму его не удалось опредѣлить съ увѣренностью; иные утверждаютъ, будто она мѣняется. Повидимому, онъ вооруженъ настоящими пушками, посылающими на землю гранаты.

Вчера (20) его видѣли близъ Вердена, сегодня (21) въ Савойѣ. Ему приписываютъ взрывъ въ Монбланскомъ арсеналѣ.

Клубокъ легендъ уже создается вокругъ этого незнакомца, окрещеннаго „Чернымъ Корсаромъ“.

Я вспомнилъ о катастрофѣ съ „Южнымъ“, о взрывѣ въ Монблан-

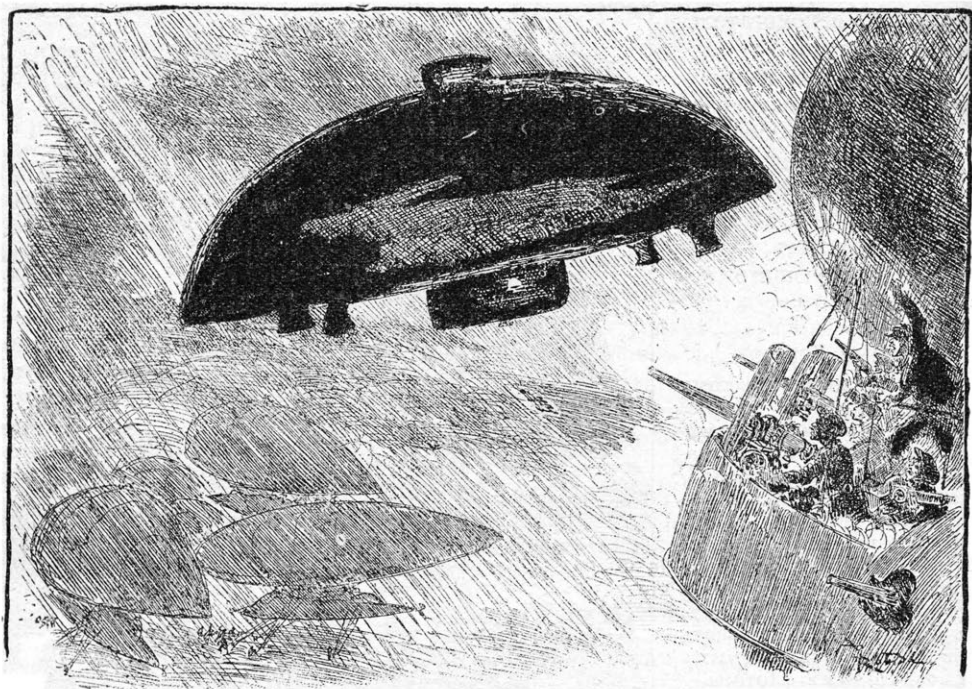
Обезоруженные солдаты помогли прикрѣпить шаръ...

скомъ арсеналѣ. Кто же этотъ невѣдомый врагъ, вооруженный, повидимому, совершенно новыми средствами разрушенія?

Я спустился на равнину, чтобы отыскать аэрадмирала и узнать его мнѣніе. Я нашелъ его подъ дождемъ, отдававшимъ какія-то распоряженія относительно предстоящаго отлета. Онъ успѣлъ уже просмотрѣть газеты, но отнесся къ замѣткѣ о „Черномъ Корсарѣ“, какъ къ выдумкѣ.

— Пустяки, — замѣтилъ онъ. — Если есть на свѣтѣ человѣкъ, знающій отъ А до Z все, что сдѣлано до сего дня въ области военного воздухоплаванія, такъ это я. Аэрокаръ, вооруженный пушками... бредни! Обыкновенный воздушный крейсеръ извѣстнаго намъ типа, остальное — выдумки...

Слова его были прерваны сигналомъ тревоги, раздавшимся съ одного изъ малыхъ аэрокаровъ, крейсировавшихъ

— Черный корсар! — воскликнул я...

на высоту. Велѣдъ затѣмъ командиръ „Монгольфье“, Дранье, крикнулъ адмиралу въ рупоръ:

— Два блиндированныхъ поѣзда съ солдатами идутъ отъ Ульма!

Рапо немедленно распорядился отцѣпить „Сантосъ Дюмонъ“, приказавъ его командиру подняться на высоту двухсотъ или трехсотъ метровъ, съ которой можно было сквозь туманъ различить поѣзда, отправиться къ нимъ навстрѣчу и уничтожить ихъ разрывными снарядами.

Все это было исполнено съ удивительной быстротой. Тѣмъ не менѣе поѣзда успѣли уже приблизиться настолько, что съ „Монгольфье“ можно было видѣть ихъ въ бинокль.

Мы остались однако внизу; вѣроятно, аэрадмиралъ не хотѣлъ оставить солдатъ, находившихся на землѣ.

Прошло нѣсколько мгновений. Внезапно вдали свверкнулъ сквозь завѣсу дождя и тумана рядъ огней, и прокатился грохотъ взрывовъ. „Сантосъ Дюмонъ“ сдѣлалъ свое дѣло...

— Полный успѣхъ, аэрадмиралъ, — крикнулъ Дранье. — Оба поѣзда превращены въ груды обломковъ и труповъ. Не думаю, чтобы сотни двѣ солдатъ осталось въ живыхъ!

Но что это? Вдали передъ нами мелькнулъ снопъ пламени, и раздался новый взрывъ, болѣе сильный, чѣмъ прежніе...

— Несчастіе! — крикнулъ Дранье. — Страшное несчастіе, адмиралъ! Должно быть, какой-нибудь изъ маленькихъ аэрокаровъ принялъ въ туманѣ „Сантоса“ за непріятеля и пустилъ въ него разрывной снарядъ. Онъ взорванъ!

Ошеломленный, оглушенный, среди наступившей суматохи, я машинально поднялъ глаза къ небу и увидѣлъ нѣчто ужасное.

На фонѣ темнаго неба, совсѣмъ близко отъ насъ, показалось сквозь туманную сѣтку дождя какое-то круглое сплюснутое черное тѣло, діаметръ котораго быстро увеличивался по мѣрѣ того, какъ оно приближалось къ намъ.

— Черный Корсарь!—воскликнулъ я. Это былъ онъ. Никто не могъ теперь отрицать его существованія: онъ спу- скался къ намъ съ быстротою болида.

Наши сторожевые аэрокары очевидно не замѣтили его за облаками.

Не теряя времени, Рапо отдалъ при- казаніе дать по немъ залпъ изъ пуле- метовъ.

Съ двѣнадцати ближайшихъ къ нему аэрокаровъ пули посыпались градомъ. Но онъ, повидимому, безсильно отска- кивали отъ скорлупы этого чудовища. Оно продолжало двигаться къ намъ, игнорируя нападеніе.

Спустя секунду оно было уже на вы-

сотъ нѣсколькихъ метровъ надъ нами, на- правляясь къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ не- задолго передъ тѣмъ „Сантосъ Дюмонъ“.

Я видѣлъ, какъ изъ отверстія на дни этой исполинской черепахи былъ выброшенъ какой-то снарядъ.

— Ложись!— крикнулъ Рапо.

Аэрадмиралъ, Томъ Дэвисъ и другіе стоявшіе подлѣ нихъ офицеры броси- лись ничкомъ на землю. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ послѣдовать ихъ при- мѣру, меня обвила какая-то сѣтка; я съ ужасомъ почувствовалъ, что отдѣ- ляюсь отъ земли и уношусь въ про- странство, точно рыба, захваченная бреднемъ...

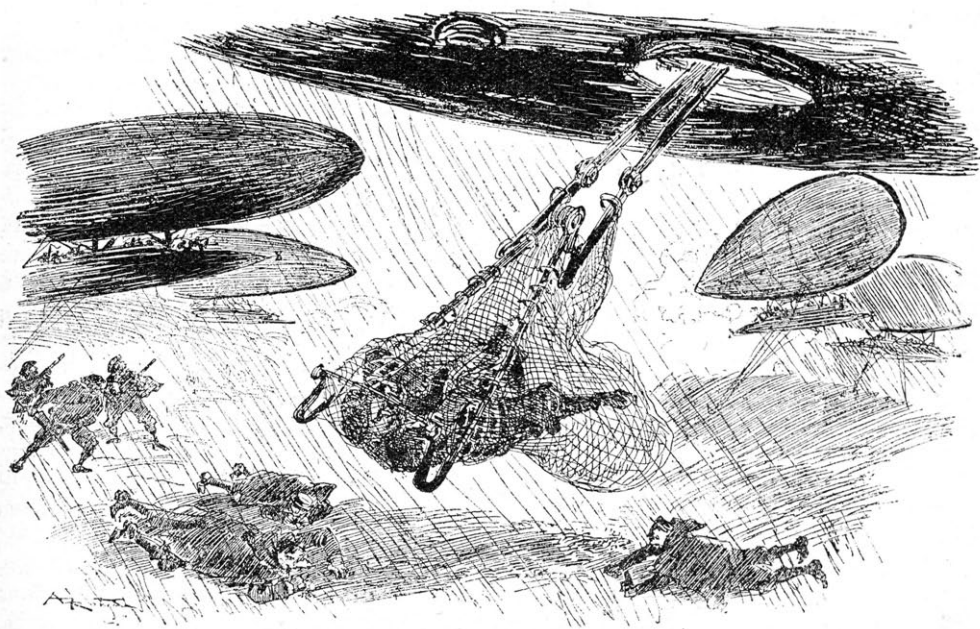
IV. Плѣнникъ въ облакахъ.

„Сириусъ“ и его изобрѣтатель. — Демонстративные опыты Джима Кеогъ. — Его не- нависть къ Рапо. — Сожженіе Франкфурта. — Гибель „Монгольфье“. — Преступникъ противъ воли. — Освобожденіе изъ плѣна. — Въ редакціи „2000 года“. — Нѣмая битва.

Я вполне отчетливо сознавалъ, что мое тѣло перемѣщается въ простран- ствѣ, уносится вдаль отъ гула, который только что стоялъ въ моихъ ушахъ.

Когда, послѣ первой минуты смятенія и ужаса, ко мнѣ вернулась способ-

ность соображать, мнѣ и въ голову не пришло, что я нарочно захваченъ въ плѣнъ. Я думалъ, что металлическая сѣтка, которую мои руки нащупывали кругомъ, служившая предохранитель- нымъ средствомъ противъ разрывныхъ

Меня обвила какая-то сѣтка...

снарядовъ, зацѣпила меня случайно и что при первомъ наклонѣ или поворотѣ машины, я вылетчу изъ нея, и упаду — куда? въ море? на землю? на крышу какого-нибудь зданія? Въ томъ состояніи полубреда, въ которомъ я находился, мнѣ почему-то вдругъ припомнилась игла громовода на шпицѣ Аугсбургской ратуши, и представилось съ навязчивостью галлюцинаціи, что я лечу на нее — и она прокалываетъ меня, какъ булавка муху...

Не знаю, долго ли длилась эта агонія: мнѣ казалось, часъ или больше, но позднѣе я сообразилъ, что находился въ этомъ положеніи всего минуту или двѣ. Внезапно въ нѣсколькихъ метрахъ надъ моей головой открылось отверстіе въ днѣ судна, сѣтка дрогнула, качнулась — и въ ту минуту, когда я, закрывъ глаза, похолодѣвъ отъ ужаса, готовился къ головокружительному паденію, меня осторожно втянули вверхъ; я почувствовалъ, что лежу на твердомъ полу, и кто-то откидываетъ съ меня сѣтку.

Я открылъ глаза и приподнялся. Влѣво отъ меня матросъ закрывалъ трапъ, а прямо передъ собою я увидѣлъ мужчину лѣтъ сорока пяти или пятидесяти, съ густой рыжей бородой, пронзительными черными глазами, въ синей курткѣ и морской фуражкѣ. Мнѣ казалось, что я уже видѣлъ раньше это лицо, — но гдѣ, когда, я не могъ вспомнить.

Онъ обратился ко мнѣ на плохомъ французскомъ языкѣ, и по рѣзкому акценту и вольному обращенію съ грамматикой я сразу узналъ американца.

— Очень вы удивились, когда покинули землю такъ внезапно?

— Еще бы не удивиться! Да я и теперь удивленъ — и былъ бы очень доволенъ, если бы кто-нибудь объяснилъ мнѣ это происшествіе...

— Я вамъ объясню.

Замѣтивъ, что онъ съ трудомъ говорить по-французски, я сказалъ:

— Вы можете сдѣлать это на нашемъ родномъ языкѣ, сударь, — я говорю по-англійски.

Онъ видимо остался доволенъ, и такимъ образомъ ледъ былъ, такъ сказать, сломанъ. Незнакомецъ предложилъ мнѣ сигару, спросилъ меня, кто я такой, выразилъ удовольствіе, когда я назвалъ себя сотрудникомъ „2000-го года“, и прибавилъ:

— Теперь спрашивайте. Я отвѣчу на ваши вопросы. Затѣмъ мы пообедаемъ, а тамъ опять отправимся въ гости къ вашему Рапо, этому болвану, невѣждѣ, глупому пѣтуху...

— Однако! Вы, я вижу, не долюбиваете нашего аэрадыра. Стало быть, вы его знаете?

— Какъ не знать? Вѣдь это онъ долженъ былъ бы находиться теперь на вашемъ мѣстѣ. Его-то мнѣ и хотѣлось зацѣпить.

— Какъ? Вы сдѣлали это нарочно?

— Ну, разумѣется. Эта сѣтка для того и сдѣлана. Я мѣтилъ на Рапо, мнѣ хотѣлось съ нимъ побесѣдовать... Этотъ бражникъ вѣроятно закончилъ бы нашу бесѣду. Но онъ ускользнулъ, а попались вы. Однако, вы, я вижу, промокли насковозъ. Снимайте-ка ваши доспѣхи, мы ихъ живо просушимъ.

Я снялъ шубу и хотѣлъ было ограничиться этимъ, но американецъ настоялъ, чтобы я раздѣлся до бѣлья. Затѣмъ онъ повернулъ ручку какого-то прибора. Внезапно комната наполнилась тепломъ, мы точно перенеслись въ баню. Я тѣсно искалъ глазами таинственный радиаторъ, посылавшій эти волны теплоты. Я видѣлъ кругомъ только гладкія стѣны изъ незнакомаго мнѣ металла. Во всякомъ случаѣ, температура была такъ высока, что мое бѣлье и платье высохло въ одну минуту. Я снова одѣлся, а хозяинъ опять повернулъ ручку, и температура быстро упала до нормальной.

Тѣмъ временемъ, матросъ, спускавшійся по лѣсенкѣ изъ верхняго отдѣленія, накрылъ столъ и поставилъ на него два прибора.

— Давайте обѣдать, — сказалъ незнакомецъ. — Вы вѣроятно не прочь узнать, съ кѣмъ имѣете дѣло. Вотъ, извольте...

Онъ протянулъ мнѣ карточку, на которой я прочелъ: „Джимъ С. Ф. Кеогъ.—Мильуоки (Висконсинъ). Сѣверо-Америк. Соединенные Штаты“.

— Конечно, это еще ничего не говорить вамъ,— продолжалъ онъ, усаживаясь за столъ и рукою приглашая меня занять мѣсто на противоположной сторонѣ.— Терпѣніе! Черезъ десять минутъ вы будете знать, зачѣмъ я здѣсь и чего добиваюсь. Сейчасъ я вамъ все расскажу.

„Лучше бы ты рассказалъ, какъ мнѣ удрать отъ тебя!“—подумалъ я, но не счелъ благоразумнымъ заявлять объ этомъ вслухъ.

— Итакъ, вы видите передъ собою жертву Рапо, вашего Рапо, этого самодовольнаго, тупоголоваго...

Эпитеты посыпались градомъ.

— Да что онъ вамъ сдѣлалъ?

— Что сдѣлалъ? Если вы патріотъ,— въ чемъ я не сомнѣваюсь,— спросите лучше, что онъ сдѣлалъ вашей странѣ, вашей родинѣ... Въ теченіе десяти лѣтъ Рапо истратилъ нѣсколько милліардовъ на сооруженіе воздушнаго флота, болѣе многочисленнаго, чѣмъ германскій,—и болѣе совершеннаго, болѣе подвижнаго, лучше оборудованнаго: допустимъ это. Но, милостивый государь, прогрессъ не останавливается. Пять лѣтъ тому назадъ нѣкто Джимъ Кеогъ, американецъ, изобрѣлъ тотъ по истинѣ чудесный аппаратъ, на которомъ вы находитесь въ надлежащую минуту. Разница между моимъ „Сиріусомъ“,—это имя моего корабля,—и аэрокарами вашего Рапо такая же, какъ между орудіями послѣдняго образца и гаубицами вашего короля Людовика XIV. Пять лѣтъ тому назадъ Джимъ Кеогъ предложилъ французскому правительству купить у него это изобрѣтеніе. Жу-

пить за безцѣнокъ... за ничтожную сумму въ двадцать милліоновъ франковъ... Что же сказалъ вашъ Рапо?

Джимъ Кеогъ, начавшій спокойнымъ тономъ, постепенно разгорячился, чему, вѣроятно, способствовала бутылка шампанскаго, которую онъ осушилъ почти одинъ.

— Вотъ что онъ сказалъ: „Я достаточно знакомъ съ вопросомъ, чтобы знать, что въ настоящую минуту возможны лишь аэрокары того типа, который я усовершенствовалъ. Не желаю слушать бредни недоучекъ-изобрѣтателей. Ихъ выдумки не имѣютъ практическаго значенія. Я строю флотъ, выполняю

— Вы видите передъ собой жертву Рапо...

инструкціи Парламента, постановившаго это сооруженіе по выработаннымъ, испытаннымъ, провереннымъ образцамъ“.

Джимъ Кеогъ ударилъ кулакомъ по столу.

— И вотъ, я получилъ отказъ, самый унижительный,—не взглянули даже на мои чертежи, не дали мнѣ демонстрировать мой аппаратъ. А мнѣ только того и нужно было... Тутъ бы сразу увидѣли разницу между мастодонтами Рапо и „Сиріусомъ“... Я не стану вамъ объяснять техническую сторону моего изобрѣтенія—это пока секретъ. Но вы сами видѣли, насколько онъ превосходитъ быстротой и подвижностью ваши аэрокары. Далѣе, онъ неуязвимъ...

— Неужели?

— Да. Вы видѣли, много ли вреда причинили мнѣ ваши залпы. Только

наверху есть уязвимое мѣсто, отверстие, которое я уничтожу въ слѣдующихъ аппаратахъ. Но и оно для меня неопасно. Я поднимаюсь на высоту четырехъ тысячъ метровъ, слѣдовательно, всегда буду выше аэрокаровъ Рапо... Да, если бъ у вашего Рапо была дюжина такихъ аэрокаровъ, какъ „Сиріусъ“, онъ въ три дня могъ бы истребить весь нѣмецкій воздушный флотъ и кончить войну. Идѣть! Счастье мое, что въ Чикаго нашлись люди, которые помогли оборудовать „Сиріуса“...

— Я понимаю теперь ваше отношеніе къ Рапо, но почему вы дѣйствуете противъ Франціи? Развѣ Германія...

— Противъ Франціи? Вовсе нѣтъ. Я просто демонстрирую мой аппаратъ. Демонстрирую на дѣлѣ, на практикѣ... Я давно чуялъ войну и поджидать ее здѣсь, въ Швейцаріи. Въ первый же день я началъ свои опыты съ аэрокара, попавшагося мнѣ у Вердена...

— Такъ это были вы?

— Какъ?

— Это вы, господинъ Кеогъ, испортили „Ю жный“, аэрокаръ „2000 года“, и убили моего слугу китайца?

— Какъ? Вы летѣли подлѣ Вердена третьяго дня, послѣ полудня?..

— Да!

— О! тысячу извиненій! Я думалъ, что имѣю дѣло съ какимъ-нибудь изъ вашихъ военныхъ аэрокаровъ. Жаль,

очень жаль... Да, ну... потомъ я продемонстрировалъ „Сиріуса“ въ Монбланскомъ арсеналѣ, затѣмъ у Аугсбурга... Думаю, что послѣ такихъ опытовъ ваше правительство не станетъ колебаться. Вы, конечно, не откажитесь взять на себя роль посредника. Еще маленькая демонстрація — а затѣмъ я высажу васъ въ Парижѣ, и вы сообщите вашему правительству о моемъ предложеніи. Согласны?

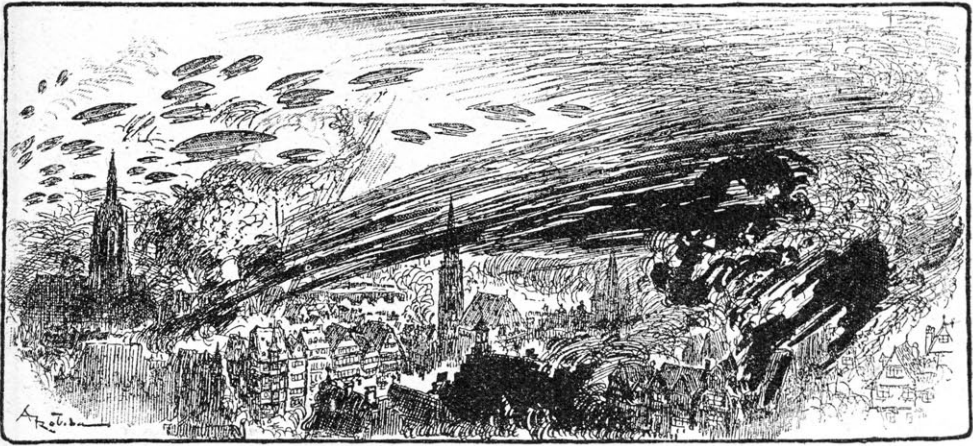
Разумѣется, я согласился. Не потому только, что это давало мнѣ возможность освободиться изъ плѣна, — но повсему, что я видѣлъ и испыталъ, при-

ходилось заключить, что Джимъ Кеогъ не попусту хвалился своимъ аппаратомъ, и что со стороны моего отечества было бы большой ошибкой упустить это изобрѣтеніе... Я не могъ понять его тайны, но для меня было очевидно, что онъ летаетъ какъ птица, что онъ дѣйствительно неуязвимъ, что ему мы обязаны уничтоженіемъ „Сантосъ-Дюмона“, и Богъ знаетъ сколько еще нашихъ аэрокаровъ онъ уничтожитъ безъ наказанія; что подъемная сила его громадна; что его артиллерія много сильнѣе нашей... Если Германія догадается предупредить насъ и купить „Сиріуса“ — горе тогда Франціи!

Джимъ Кеогъ показалъ мнѣ внутреннее устройство Сиріуса, не объяснившее мнѣ, впро-

Уничтоженіе „Сантосъ-Дюмона“.

Тысячи снарядов посыпались на Франкфуртъ.

чемъ, его секрета; затѣмъ оставилъ меня въ нижнемъ отдѣленіи, гдѣ мнѣ приготовили постель. Несмотря на свое волненіе, я скорѣ погрузился въ лихорадочный, тревожный сонъ.

Меня разбудилъ Джимъ Кеогъ, дергая за плечо.

— Прилетѣли, вставайте!—говорилъ онъ.

— Куда прилетѣли?—пробормоталъ я, собираясь съ мыслями.

— Въ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Вотъ, посмотрите...

Онъ указалъ мнѣ небольшія окна, продѣланные въ полу. Они были ярко освѣщены какимъ-то зловѣщимъ, красноватымъ свѣтомъ. Я присѣлъ на полъ, нагнулся надъ окномъ и увидѣлъ страшное зрѣлище.

Огромный городъ пылалъ, какъ Мюнхенъ наканунѣ, съ той только разницей, что Мюнхенъ былъ подожженъ днемъ, тогда какъ на Франкфуртъ тысячи зажигательныхъ снарядовъ посыпались ночью.

— Узнаете вашихъ друзей?—съ усмѣшкой сказалъ Джимъ Кеогъ.— Они выстроились кругомъ на высотѣ тысячи метровъ. Мы же стоимъ надъ ними на высотѣ трехъ тысячъ метровъ. Сейчасъ вы увидите осязательное доказательство превосходства моего аэрокара надъ вашими.

Онъ остановился, какъ будто какая-то новая мысль внезапно пришла ему въ голову.

— Осязательное — ха! ха! именно такъ... Да, да, вы убѣдитесь собственнымъ опытомъ,—и сообщите о результатѣ вашему правительству.

Онъ два раза хлопнулъ въ ладоши. Появились двое людей; одинъ изъ нихъ былъ негръ.

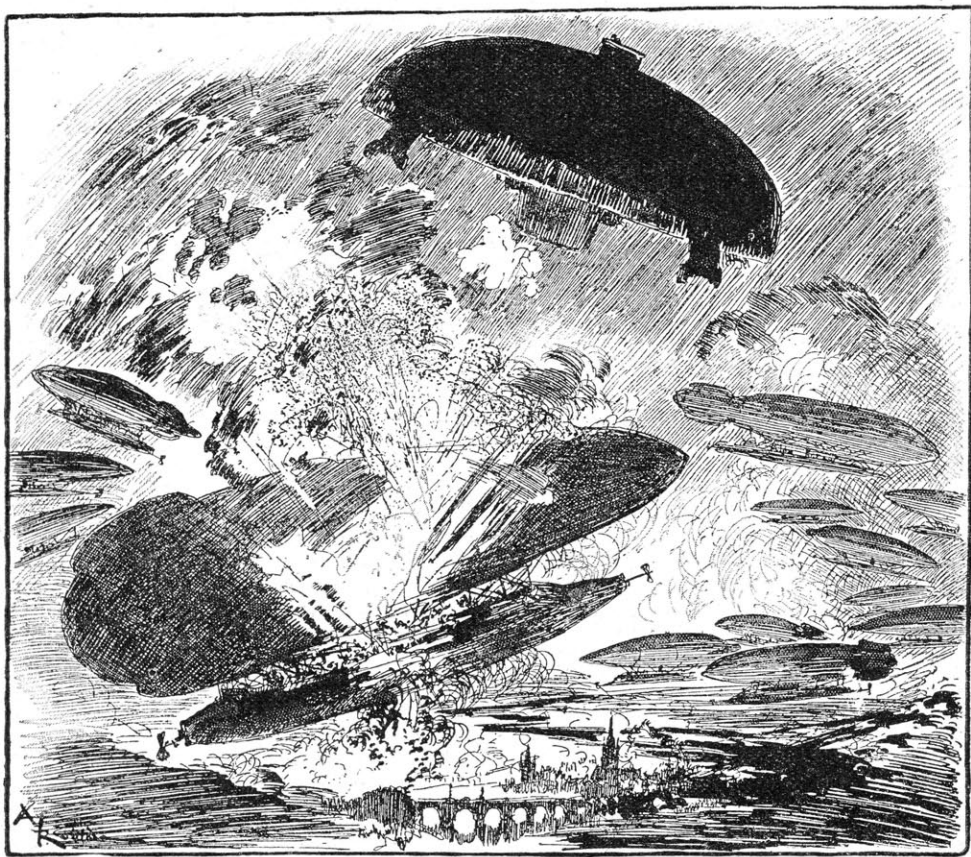
— Зарядите орудіе!—сказалъ Кеогъ.

Они отодвинули небольшой трапъ, подъ которымъ оказалось круглое отверстіе, принесли и вставили въ него какой-то аппаратъ въ формѣ мортиры и зарядили ее гранатой.

— Мистеръ Кеогъ,—сказалъ я, догадываясь въ чемъ дѣло,—неужели вы хотите сдѣлать меня свидѣтелемъ убійства моихъ соотечественниковъ, моихъ друзей, моихъ братьевъ?..

— Какъ же иначе? Вы должны собственнымъ опытомъ убѣдиться въ достоинствахъ моего аппарата. Это совсѣмъ не то, что видѣть издали. Да, да... вы личнымъ опытомъ убѣдитесь, что это орудіе не даетъ промаха. Я направлю его на вашего флагмана, затѣмъ вы нажмете пальцемъ эту пуговку, и...

— Вы съ ума спятили или пьяны! Сколько бутылокъ шампанскаго вы высосали въ эту ночь?...

Послѣдовавъ выстрѣлъ

Джимъ Кеогъ побагровѣлъ. Выхвативъ изъ кармана револьверъ, онъ крикнулъ:

— Или вы исполните мое требованіе или я всажу вамъ въ башку всѣ шесть пуль!

— Стрѣляйте!... Лучше десять разъ умереть, чѣмъ пойти на такую измѣну. Или вы думаете, что я въ состояніи буду жить съ такимъ пятномъ на совѣсти?...

Американецъ опустил револьверъ, ярость его смѣнилась какимъ-то насмѣшливымъ изумленіемъ.

— У него есть совѣсть,—пробормоталъ онъ.—Надо же быть глупцомъ... Ну,—прибавилъ онъ,—даю вамъ пять минутъ на размышленіе.

Съ этими словами онъ ушелъ вмѣстѣ съ своими помощниками.

Я не колебался. Исполнить это чудовищное требованіе... нѣтъ, все, что угодно, только не это. Но могу ли я равнодушно смотрѣть на истребленіе своихъ? У меня есть револьверъ. Да, мнѣ только это и остается. Выхода нѣтъ. Всажу въ него пулю...

Черезъ пять минутъ американецъ вернулся. Онъ прошелъ мимо меня, ничего не сказавъ. Отдавъ распоряженія своимъ помощникамъ, онъ наклонился надъ окномъ.

— Вонъ вашъ аэрадмиралъ Рапо, полюбуйтесть!..

Я подошелъ къ нему и заглянулъ въ окно. „Сиріусъ“ въ это время спустился пониже, и я увидѣлъ на разстояніи какой-нибудь сотни метровъ „Монгольфье“, ярко освѣщенный пожаромъ снизу, прожекторомъ „Сиріуса“ сверху.

— Готово, сэръ,—сказалъ одинъ изъ помощниковъ, возившихся съ орудіемъ.

Я хотѣлъ выхватить револьверъ, но въ то же мгновеніе двѣ сильныя руки схватили меня сзади, а Джимъ Кеогъ завладѣлъ кистью моей правой руки. Я тщетно пытался оказать сопротивленіе. Негодяй притянулъ мою руку къ орудію и надавилъ ею на пуговку слоновой кости.

Послѣдовалъ выстрѣлъ. Я слышалъ взрывъ, слышалъ отчаянные крики; потомъ въ глазахъ моихъ потемнѣло, и я потерялъ сознание...

Я очнулся только утромъ. Не стану описывать своего душевнаго состоянія. Хотя я по совѣсти не могъ поставить себя въ вину это преступленіе, тѣмъ не менѣе мысль, что „Монгольфье“ погибъ отъ моей руки, не давала мнѣ покоя. Что касается Джима Кеога, видъ котораго былъ мнѣ ненавистенъ, то онъ просто—таки понять не могъ, что собственно меня возмущаетъ и угнетаетъ.

— Не все ли равно, вы или я дали выстрѣлъ?—твердилъ онъ.—Но важно то, что вы сами, собственнымъ опытомъ убѣдились... Теперь у васъ не останется никакихъ сомнѣній.

Безполезно и противно было толковать съ такимъ человѣкомъ. Какъ бы то ни было, приходилось не только выносить его общество, но и принять на себя порученіе, о которомъ онъ говорилъ. Рѣшено было, что онъ высадитъ меня въ Парижѣ, на террасѣ рѣдакціи „2000-го года“. Отвѣтъ на его предложеніе будетъ посланъ въ Бернъ,

до востребованія, не позднѣе 30 сентября. До этого дня онъ считалъ себя связаннымъ своимъ предложеніемъ и обязывался отвергать возможные предложенія со стороны другихъ державъ; но если отвѣтъ не будетъ полученъ въ теченіе недѣли, сдѣлка считается не состоявшейся.

Мы были надъ Парижемъ подъ вечеръ, когда стемнѣло, такъ какъ американецъ желалъ остаться незамѣченнымъ. Около девяти часовъ „Сиріусъ“ спустился надъ террасой рѣдакціи, и спустя минуту я избавился, наконецъ, отъ своего плѣна.

Можно себя представить, какой эффектъ произвело мое появленіе въ рѣдакціи, гдѣ меня считали погибшимъ. Я былъ засыпанъ вопросами, но рѣшительно отказался рассказывать о своихъ похижденіяхъ, прежде чѣмъ о нихъ узнаетъ нашъ издатель, г. Мартенъ Дюбуа, который долженъ былъ прибыть въ рѣдакцію черезъ полчаса.

Къ своему изумленію и радости, я встрѣтилъ въ рѣдакціи Пижона. Оказалось, въ моментъ отправки „Сантось-Дюмона“ противъ вспомогательныхъ поѣздовъ, его тамъ не было: онъ взялся отнести газеты капитану одного изъ сосѣднихъ аэрокаровъ.

Но аэрадмиралъ Рапо, со всѣмъ экипажемъ „Мон-

гольфье“, и поручикъ Томъ Дэвисъ погибли... погибли отъ моей руки: эта мысль снова обожгла меня! Бѣдная миссъ Ада: мнѣ говорили, что она была въ отчаяніи, что она дала клятву отомстить виновнику этого убійства. Я

Я избавился отъ плѣна...

Люди цѣлятся въ невидимаго непріятеля...

внутренно обѣщала себѣ оказать ей содѣйствіе, если только представится какая-нибудь возможность.

Послѣ смерти аэрадмирала, эскадра, подъ начальствомъ его ближайшаго помощника, продолжала поиски германской эскадры, уничтожила колоссальные склады каменнаго угля въ Дунсбургѣ вмѣстѣ съ заводами,—но германскій воздушный флотъ не подавалъ о себѣ вѣсти.

Радостнымъ было извѣстіе о побѣдѣ надъ нѣмцами, одержанной нами сегодня утромъ, благодаря полку авіаторовъ. Бой длился двое сутокъ: „нѣмая битва“, какъ называлъ ее одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, Жубекъ, только что вернувшійся съ поля сраженія.

„Ни боя, ни огня, ни грохота пушекъ, — рассказывалъ онъ. — Я былъ

на привязномъ шарѣ телеграфистовъ. Мы слышали крики раненыхъ и умирающихъ—всего мы потеряли убитыми семьдесятъ двѣ тысячи — проклятія и жалобы; но все это въ относительной тишинѣ. Направленіе и разстояніе выстрѣловъ опредѣляются по указаніямъ, получаемымъ по беспроволочному телеграфу съ аэрокаровъ, наблюдающихъ за полемъ сраженія съ огромной высоты. Люди цѣлятся въ невидимаго и неслышнаго непріятеля—и вдругъ падаютъ... Вы не видите выстрѣловъ, вы не слышите ихъ; только свистъ бомбъ и ядеръ, валящихся откуда-то сверху... Адское впечатлѣніе! Въ старыя времена грохотъ и трескъ пальбы долженъ былъ оглушать и оцѣплять сражающихся. Теперь это какая-то молчаливая, механическая война.

„Какъ же названо это сраженіе?

„Да какъ его назвать?... Сраженіе № 1 такого-же года?... Линія боя растянулась на сто километровъ: на этомъ пространствѣ цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ... Длилось двое сутокъ, но, я думаю, продлилось бы мѣсяцъ или больше, не будь авіаторовъ. Вмѣшательство „крылатыхъ“ рѣшило бой въ нашу пользу. Этой атаки нашъ противникъ не ожидалъ. Они заставили отступить главный отрядъ нѣмецкой арміи; отступление превратилось въ бѣгство; наши двинулись впередъ, и вскорѣ паника распространилась по всей линіи непріятеля...”

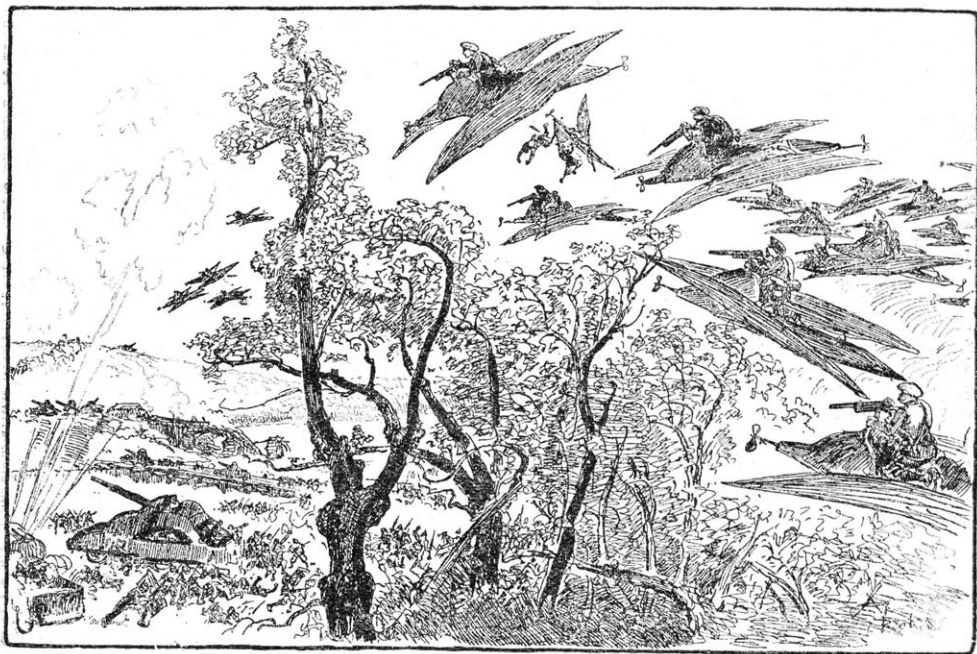
— Бѣдный Рапо! — вздохнулъ я. — Вѣдь это его побѣда...

Ликование, вызванное этой побѣдой въ Парижѣ, омрачалось однако тревогой по поводу ненахождения нѣмецкаго воздушнаго флота, тѣмъ болѣе, что въ американскихъ газетахъ появилось извѣстіе о подготовленной нѣмцами отправки въ Англію воздушной эскадры въ двѣ тысячи военныхъ аэрокаровъ! Двѣ тысячи аэрокаровъ! Что значили

въ сравненіи съ этой армадой полтора крейсера Рапо? Правда, серьезные люди считали это извѣстіе уткой, но толпа была настроена тревожно. Загадочное отсутствіе флота въ то время какъ наша эскадра терроризировала въ теченіе трехъ дней всю среднюю Германію, казалось непонятнымъ и заставляло думать о какомъ-нибудь подготовляемомъ втайнѣ страшномъ возмездіи.

Наконецъ, явился г. Дюбуа и принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Я спокойно и послѣдовательно рассказалъ ему обо всемъ случившемся со мною со времени моего отъѣзда съ Монблана (умолчавъ только о своей роли въ разстрѣлѣ „Монгольфье“). Онъ слушалъ молча, и когда я окончилъ, сказалъ:

— Я принялъ бы васъ за сумасшедшаго, другъ мой, но вашъ рассказъ вполне подтверждается тѣми свѣдѣніями, которые мы уже имѣемъ о „демонстративныхъ опытахъ“ этого бандита... Ясно, что въ его рукахъ страшное орудіе, и плохо намъ будетъ, если этимъ орудіемъ завладѣютъ наши вра-

Вмѣшательство «крылатыхъ» рѣшило бой...

ги! Мы начнемъ кампанію. Напишите немедленно статью, изложите въ ней то, что вы мнѣ рассказали, подчеркните преимущества „Сиріуса“... Номеръ съ вашимъ описаніемъ Монбланскаго арсенала—кстати, вы можете получить въ конторѣ десять тысячъ франковъ за эту статью—разошелся въ двѣнадцать миллионѣхъ экземпляровъ; завтрашній тиражъ будетъ не меньше... Я беру на себя депутатовъ и президента. Въ парламентѣ намъ нетрудно будетъ провести это предложеніе, но канцеляріи, канцеляріи—наша язва, съ ихъ рутиной и волокитой! Въ недѣлю можно и не такія дѣла обдѣлать, но раскатайте-ка вы ихъ бюрократическое колесо въ такой срокъ... А пѣмцы навѣрное зѣвать не будутъ... Въ печати на насъ, разумѣется, ополчится нашъ соперникъ, „3000-ый годъ“. Но мы не уступимъ. Благо Франціи—прежде всего! Пишите же... Воображаю завтрашній тиражъ!

Когда, написавъ статью, я возвращался домой, на темномъ фонѣ пасмурнаго неба уже красовалась, отброшен-

ная прожекторами надпись исполненскими разноцвѣтными буквами:

Завтра утромъ
читайте въ „2000-номъ Году“
изумительныя разоблаченія
нашего спеціальнаго корреспондента.

На высотѣ 4000 метровъ съ геніальнымъ бандитомъ!

Власть надъ воздухомъ въ нашихъ рукахъ!

Нужно только пожелать и заплатить требуемую цѣну.

Условіе, дающее семидневный срокъ, въ карманѣ нашего редактора.

Мы требуемъ, чтобы покупка состоялась!

Двадцати миллионѣвъ будетъ достаточно.

Впередъ за отечество!

Да здравствуетъ Франція!

Эту ночь я провелъ дома, въ своей семьѣ,—съ которой, какъ мнѣ казалось, я расстался чуть ли не столѣтіе тому назадъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

